

П Р А В О

ЕЖЕНЕДѢЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 9.

Суббота 27 февраля.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревскаго и при ближайшемъ участіи: прив.-доц. Ф. А. Вальтера, І. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. І. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) По поводу Высочайшаго повелѣнія 20 Февраля. Н. Н. Арсеньева. 2) Обычное право и народное хозяйство. Проф. Л. І. Петражицкаго. 3) Обзорніе уголовной кассационной практики за 1897 г. 4) Условное помилованіе въ Германіи (Письмо изъ Лейпцига). Пр. доц. Н. Н. Розина. 5) Судебные отчеты. 6) Хроника.

7) Судебная и судебно-административная практика. 8) Отвѣты редакціи.

9) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ).

РЕДАКЦІЯ (Надеждинская, 7) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные номера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Надеждинская, 7) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

По поводу Высочайшаго повелѣнія 20 февраля.

Высочайшимъ повелѣніемъ, опубликованнымъ 20-го февраля, на генераль-адъютанта Ванновскаго возложено всестороннее разслѣдованіе обстоятельствъ и причинъ безпорядковъ, начавшихся 8 февраля въ Императорскомъ Петербургскомъ университетѣ и затѣмъ распространившихся на нѣкоторые другія учебныя заведенія. Выборъ лица, обладающаго большою административною опытностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, стоящаго внѣ дѣйствующей администраціи, распространеніе разслѣдованія не только на *обстоятельства*, но и на *причины* безпорядковъ, представленіе результатовъ разслѣдованія на Высочайшее воззрѣніе— все это вполне соответствуетъ серьезности дѣла, взволновавшаго и не перестающаго волновать всѣ сферы русскаго общества. *Всестороннее* разслѣдованіе предполагаетъ, прежде всего, пріостановку какихъ бы то не было мѣръ, имѣющихъ, если не *de jure*, то *de facto*, карательный характеръ, и отмену подобныхъ мѣръ, если онѣ уже приняты. Нельзя, очевидно, налагать взысканія на тѣхъ, чьи дѣйствія только еще приводятся въ извѣстность или подвергаются предварительному обсужденію. Нельзя разсмотрѣть *всѣ* стороны дѣла безъ разспроса главныхъ (или предполагаемыхъ главными) его участниковъ—безъ разспроса ихъ, притомъ, въ мѣстѣ разслѣдованія, гдѣ только и возможна немедленная и обстоятельная повѣрка данныхъ

ими объясненій. Нельзя разъединять разслѣдованіе, въ которомъ всего важнѣе цѣльность и непосредственность впечатлѣнія; нельзя ставить на одну доску матеріалы, добытые разными лицами вдали отъ С.-Петербурга—и матеріалы, собранные здѣсь самимъ лицомъ, удостоеннымъ Высочайшаго довѣрія. Чѣмъ больше у полицейской власти было поводовъ приписывать тому или другому лицу выдающуюся роль въ безпорядкахъ, тѣмъ больше оснований выслушать это лицо, не только для предоставленія ему возможности оправдаться, но и для раскрытія истины. Все, что до сихъ поръ извѣстно о ходѣ событій, начавшихся 8-го февраля, устраняетъ, повидимому, всякую мысль о политической ихъ окраскѣ, а слѣдовательно и всякую законную почву для примѣненія къ нимъ положенія 14 августа 1881 г. о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественаго спокойствія. Какъ заглавіе этого положенія, такъ и въ еще болѣе степеней самый текстъ его (ст. 4, 6, 14 и др.) удостоверяетъ, что оно касается исключительно лицъ злоумышляющихъ противъ государственнаго и общественаго строя. Высылкѣ въ административномъ порядкѣ подлежатъ, на основаніи положенія, только лица вредныя для государственнаго и общественаго спокойствія (ст. 32), предварительному задержанію—только лица внушающія основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій или въ прикосновенности къ нимъ, а равно въ при-

надлежности къ противозаконнымъ сообществамъ (ст. 21). Полицейскій надзоръ, по положенію 12 марта 1882 г., имѣеть цѣлью только предупрежденіе преступленій противъ существующаго государственнаго порядка. Ни подъ одну группу явленій, предусмотрѣнныхъ этими чрезвычайными постановленіями, послѣдніе студенческіе безпорядки, такимъ образомъ, не подходятъ. Еще меньше, конечно, можетъ быть рѣчь о примѣненіи къ ихъ участникамъ Высочайшаго повелѣнія 7 декабря 1895 года, которымъ на ряду съ политическою неблагонадежностью поставлена опасность для общественнаго спокойствія, представляемая тѣмъ или другимъ лицомъ вслѣдствіе его „порочнаго поведения“. Юридическихъ препятствій къ производству разслѣдованія въ тѣхъ условіяхъ и предѣлахъ, о которыхъ мы упомянули выше, нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ. Сосредоточенное въ однихъ рукахъ дѣло должно быть одно и по способу веденія, и по результатамъ. Участіе прикосновенныхъ къ нему лицъ не можетъ быть предрѣшена прежде его окончанія. Никто не можетъ быть изъятъ изъ дѣйствія гарантій, имъ общааемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто не долженъ быть лишень возможности способствовать, насколько это отъ него зависитъ, разясненію причинъ, вызвавшихъ безпорядки, и обстоятельству, при которыхъ они происходили. Увѣренность въ этомъ, вытекающая сама собою изъ самаго текста Высочайшаго повелѣнія, не можетъ не способствовать возобновленію учебныхъ занятій, столь желательному въ интересахъ высшей школы и всего общества, а также въ видахъ успѣшнаго хода и окончанія разслѣдованія.

„Всестороннему разслѣдованію“ студенческіе безпорядки, столь часто, за послѣдніе сорокъ лѣтъ, повторявшіеся у насъ, въ Россіи, никогда еще не подвергались—или, по крайней мѣрѣ, никогда еще результаты такого разслѣдованія не были оглашаемы во всеобщее свѣдѣніе. Едва-ли, однако, мы ошибемся, если скажемъ, что рядомъ съ частными причинами, дѣйствовавшими въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, существовали и существуютъ общія, болѣе или менѣе постоянныя. На это указываетъ уже самая періодичность безпорядковъ, происходящихъ при различной обстановкѣ, въ различныхъ городахъ, въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Немалую роль играетъ въ нихъ одно свойство молодежи, часто утрачиваемое у насъ въ зрѣломъ возрастѣ: высокая оцѣнка правъ личности, ея достоинства, ея самостоятельности,—оцѣнка столь высокая, что нарушеніе правъ другого лица чувствуется какъ нарушеніе собственнаго права. Психологически это весьма понятно. Стремленіе къ независимости въ мысляхъ и дѣйствіяхъ пробуждается, болѣею частью, еще на школьной скамьѣ, усиливаясь прямо пропорціонально гнету школьной дисциплины. Па-

раллельно съ нимъ развивается чувство товарищества, т. е. сознаніе солидарности съ небольшимъ кружкомъ, поставленнымъ въ то же самое положеніе и переживающимъ аналогичныя душевныя состоянія. Въ среднемъ (особенно въ закрытомъ) учебномъ заведеніи это чувство проявляется, сплошь и рядомъ, въ партизанской войнѣ съ начальствомъ, въ принятіи на себя вѣсми вины нѣсколькихъ или одного, въ систематическомъ сокрытіи или прикрытіи отступленій, даже мало симпатичныхъ, отъ правилъ и требованій школы. Изъ средней школы чувство товарищества переносится въ высшую; но настроеніе, имъ вызываемое или поддерживаемое, слагается здѣсь иначе. Въ высшей школѣ нѣтъ тѣсныхъ, замкнутыхъ группъ, нѣтъ ежечасныхъ, ежеминутныхъ соприкосновеній — и столкновеній — съ непосредственнымъ начальствомъ. Дѣйствительная, реальная близость къ немногимъ уступаетъ мѣсто идеальной близости ко всему учащемуся молодому поколѣнію. Противъ этой новой формы товарищества мѣры принудительныя и карательныя такъ же безсильны, какъ и противъ прежней. Именно потому, что въ основаніи чувства лежитъ отвлеченная мысль, оно является особенно устойчивымъ, особенно интенсивнымъ и глубокимъ. Съ этимъ слѣдуетъ считаться, точно такъ же какъ и съ чуткостью молодежи ко всякому оскорбленію, ко всякому грубому насилію. Запугать молодежь гораздо труднѣе, чѣмъ взрослыхъ людей, не только потому, что послѣдніе связаны множествомъ разнообразныхъ путей — семьей, общественнымъ положеніемъ, необходимостью добывать средства къ жизни,—но и потому, что они привыкли дѣйствовать въ одиночку, въ разсыпную, не чувствуя рядомъ съ собою плеча сосѣдей, не сознавая себя принадлежащими къ сомкнутому строю. На людей взрослыхъ напоминаніе о судебной или административной отвѣтственности можетъ иногда оказать умѣряющее, охлаждающее вліяніе (хотя и для нихъ оно болѣею частью представляется излишнимъ); на молодыхъ людей оно скорѣе можетъ произвести обратное дѣйствіе. Еще въ болѣе высокой, несравненно болѣею степени это слѣдуетъ сказать и объ угрозы, выражающейся въ появленіи значительныхъ полицейскихъ силъ или въ принятіи другихъ мѣръ предосторожности, не вызываемыхъ необходимостью. Не оцѣнимъ, наоборотъ, слово дружескаго увѣщанія, чуждое формализма, свободное отъ всякой попытки устрашенія. Весьма важно, конечно, и то, кѣмъ сказано это слово—важно, слѣдовательно, отношенія, существующія между учащими и учащимися. Они создаютъ отчасти закономъ, отчасти жизнью—или, лучше сказать, взаимодействіемъ обоихъ условий. Каково это взаимодействіе у насъ, въ чемъ заключаются его пробѣлы и слабыя стороны—это должно показать всестороннее разслѣдованіе безпорядковъ.

Въ печати была сдѣлана попытка умалить, ступевать значеніе событій, происходившихъ 8 февраля и въ слѣдующіе дни. „У государства“—воскликаетъ авторъ „Маленькихъ писемъ“ („Новое Время“, № 8257),— „столько силъ, что стачка молодежи не ходитъ на лекціи съ цѣлью протеста могла бы окончиться болѣе печально и болѣе безрезультатно, чѣмъ стачки рабочихъ. Добыть молодежь для учебныхъ заведеній гораздо легче, чѣмъ рабочихъ этой фабрики, уже потому, что районъ фабрики очень ограниченъ, а въ учебное заведеніе съѣзжаются за тысячи верстъ... Несмотря ни на какія стачки молодежи не учиться, высшія учебныя заведенія не только никогда не закроются, но будутъ увеличиваться числомъ... Если бы правительство предоставило настоящую стачку молодежи ея естественному теченію, т. е. сказало бы: „не хотите учиться—и не учитесь“, то оно не себѣ бы повредило и не своей высшей школь, а поставило бы только учащуюся молодежь въ печальное положеніе, оставивъ ее безъ образованія и безъ того поприща общественной дѣятельности, на которое она рассчитывала и вправѣ рассчитывать. И какъ бы она сожалѣла потомъ объ этомъ безразсудномъ поступкѣ! И сколько разочарованія и горя испытали бы отцы и матери, и родственники этой молодежи!“.. Что высшія учебныя заведенія, потерявъ теперешній контингентъ учащихся, недолго оставались бы совершенно пустыми, что непосредственный, осязательный результатъ доведенной до конца „стачки не учиться“ выразился бы только во множествѣ разбитыхъ жизней—это весьма вѣроятно; но этимъ далеко не исчерпывается вопросъ, гораздо болѣе серьезный и сложный, чѣмъ кажется поверхностному взгляду. Россія не такъ богата образованіемъ, чтобы для нея могла быть нечувствительной потеря нѣсколькихъ тысячъ молодыхъ людей, выброшенныхъ изъ колеи передъ самымъ достиженіемъ желанной цѣли. Четырехъ-или пятилѣтній перерывъ въ подготовкѣ новыхъ, свѣжихъ силъ, идущихъ на смѣну старымъ, утомленнымъ,—перерывъ, едва-ли не безпримѣрный въ новѣйшей исторіи,—оставилъ бы глубокой слѣдъ въ народной жизни. Это не такое явленіе, къ которому можно было бы отнестись „съ легкимъ сердцемъ“, какъ къ чему-то едва замѣтному для Левіаана-государства. Куда дѣвалась бы, притомъ, вся масса недоучившейся молодежи? Какъ перенесла бы небывалый кризисъ сама высшая школа, въ какой степени она могла бы сохранить вѣру въ собственные силы и довѣріе своихъ питомцевъ?.. Плохую услугу возстановленію нормальнаго порядка вещей оказываютъ тѣ, которые утверждаютъ, что онъ можетъ возстановиться самъ собою, простой замѣной одного состава учащихся другимъ, садящимся на вакантное мѣсто... „Прилежнымъ ученіемъ, упорнымъ трудомъ—читаемъ мы въ томъ же „Маленькомъ

письмѣ“,— „молодежь достигаетъ гораздо большаго, чѣмъ всякими безпорядками“. Этого со-вѣтъ можно было бы и не извлекать изъ архивовъ прошлой морали: къ данному вопросу онъ не подходитъ уже потому, что въ основаніи его лежитъ сравненіе величинъ несравнимыхъ и несоизмѣримыхъ. Цѣль студенческихъ безпорядковъ—если только они имѣютъ, съ самаго начала, определенную цѣль—никогда не совпадаетъ съ тѣмъ, что можно добыть трудомъ и ученіемъ. Трудъ и ученіе ведутъ къ знанію, даютъ возможность примѣнять это знаніе въ той или другой сферѣ государственной или общественной жизни,—но они не ведутъ, на примѣръ, къ усилению охраны личнаго достоинства, которую такъ высоко цѣнятъ учащаяся молодежь. Конечно, не достигается эта охрана и безпорядками,—но нельзя противопоставить безпорядкамъ трудъ и ученіе, какъ средство, вѣрнѣе приводящее къ той же самой цѣли... Не слѣдуетъ преувеличивать серьезность положенія, но не слѣдуетъ и отрицать ее; признать ее во всемъ ея объемѣ, значитъ создать благоприятную почву для „всесторонности“ разслѣдованія, устранить все то, что могло бы помѣшать его успѣху.

К. Арсеньевъ.

Обычное право и народное хозяйство ¹⁾.

Установленныя выше теоремы относительно роли обычнаго права въ нематеріальной, духовной жизни народа помогутъ намъ ориентироваться и въ области вопроса о значеніи этого рода права въ сферѣ производства и распредѣленія матеріальныхъ благъ, вообще въ сферѣ народной экономіи.

Какъ и въ предыдущей области, мы можемъ здѣсь только кратко намѣтить нѣкоторыя общія и основныя точки зрѣнія, не претендуя на полное и исчерпывающее изслѣдованіе указанной весьма богатой и интересной темы. Наша задача будетъ исполнена уже въ томъ случаѣ, если предыдущія и послѣдующія краткія замѣтки докажутъ поверхностность и недостаточность теперешнихъ вѣроученій юристовъ объ обычномъ правѣ, обнаружатъ необходимость серьезнаго и критическаго научнаго изслѣдованія въ данной области и намѣтятъ нѣкоторыя темы и руководящія точки зрѣнія для болѣе обстоятельныхъ изслѣдованій.

Для оцѣнки обычнаго права съ экономической точки зрѣнія слѣдуетъ различать его вліяніе на 1) производство (въ общемъ смыслѣ, такъ что мы относимъ сюда и обращеніе) и 2) на распредѣленіе.

¹⁾ См. № 8.

I. Народный обычай и производство.

Мы нарочно нѣсколько расширили тему, поставивъ въ заглавіи выраженіи „обычай“ вмѣсто „обычное право“. Дѣло въ томъ, что для уясненія значенія обычнаго права въ области производства и вообще для теоретическаго и правно-политическаго познанія обычнаго права необходимо взглянуть на обычаи производства въ техническомъ смыслѣ, на техническіе (въ отличіе отъ юридическихъ) обычаи.

Обыкновенно думаютъ, что техническая дѣятельность человѣка опредѣляется его познаніями въ области „законовъ природы“, во всякомъ случаѣ его сознательнымъ расчетомъ относительно цѣлей и средствъ. Онъ утилизируетъ „законы природы“ для своихъ цѣлей, пользуясь извѣстнымъ ему однообразнымъ дѣйствіемъ силъ природы для вызова желательнаго эффекта, вводя ихъ въ свою сознательную цѣлевую комбинацію. Подобныя же представленія существуютъ относительно экономики человѣка вообще, а въ новое время этого рода воззрѣнія стали господствовать и въ области науки о нравственности и правѣ. Нравственные и правовыя нормы сводятся къ правиламъ цѣлевого сознательнаго расчета.

Такъ, напр., существо теоріи развитія права, обоснованію и развитію коей Герингъ посвятилъ крупную монографію: „Цѣль въ правѣ“ и разныя части другихъ своихъ сочиненій, сводятся къ тому, что происхожденіе и развитіе права объясняется сознательнымъ расчетомъ правосоздателей и т. п.

Въ виду этого особенно полезно указать, что подобныя теоріи являются ошибочными даже въ области техники производства — этой области настоящаго царствія и процвѣтанія цѣлевого, „техническаго“ расчета. Едва ли мы ошибемся, утверждая, что развѣ незначительная доля процента тѣхъ дѣйствій техническаго типа, которыя были совершены людьми, и даже тѣхъ правилъ и техническихъ приемовъ, которые были установлены и дѣйствовали въ исторіи производства, являются осуществленіемъ такого сознательнаго приспособленія средствъ къ цѣлямъ, основаннаго на знаніи свойствъ веществъ и силъ или даже „законовъ природы“. Было бы существеннымъ искаженіемъ и непониманіемъ исторіи производства вещественныхъ благъ или техники человѣческой вообще — сводить ее къ дѣйствію такихъ факторовъ и процессовъ, какіе, напр., господствуютъ теперь въ лабораторіяхъ и фабрикахъ Эдиссона, Сименса и Гальске и т. п.

При этомъ мы имѣемъ въ виду не то безконечное множество дѣйствій и обычныхъ приемовъ удовлетворенія матеріальныхъ потребностей, которыя происходятъ и происходятъ среди человѣчества по бессознательнымъ импульсамъ разныхъ типовъ, въ томъ числѣ подъ влияніемъ инстинкта въ тѣсномъ смыслѣ. Подобно тому,

какъ птицы вьютъ гнѣзда безъ знанія архитектуры, гигиены и т. п., совершаютъ грандіозныя путешествія безъ компаса и географическихъ картъ, такъ и тотъ представитель животнаго царства, который называется homo sapiens, не лишенъ спасительнаго дѣйствія инстинкта, а если бы онъ дѣйствовалъ только подъ влияніемъ тѣхъ силъ, которыми думаетъ объяснить его поступки и даже поведеніе животныхъ Герингъ, то онъ бы не существовалъ, погибъ бы и исчезъ тотчасъ послѣ своего появленія.

Мы имѣемъ въ виду иное явленіе, а именно техническіе обычаи. Подъ техническимъ обычаемъ мы разумѣемъ такое техническое правило, которое существуетъ и соблюдается, не вслѣдствіе дѣйствія органическаго инстинкта — здѣсь собственно нельзя даже говорить о „правилахъ“, и не вслѣдствіе сознательнаго расчета — не вслѣдствіе собственнаго пониманія разумности и цѣлесообразности правила, а вслѣдствіе безотчетнаго уваженія къ прошлому, къ „старинѣ“, къ дѣйствіямъ отцовъ, дѣдовъ и т. д.

Безъ дѣйствія этого психическаго фактора homo sapiens, можетъ быть, не погибъ бы въ борьбѣ за существованіе, какъ при отсутствіи спасительнаго руководства врожденныхъ инстинктовъ въ тѣсномъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ не достигъ бы той sapientia, которой онъ достигъ. Въ частности о томъ прогрессѣ техники человѣческой, который имѣлъ мѣсто въ дѣйствительности, не могло бы быть и рѣчи, если бы люди на примитивныхъ ступеняхъ развитія, вмѣсто подчиненія обычаямъ предковъ, всякій разъ собственнымъ умомъ и расчетомъ выдумывали для себя правила и приемы техническихъ дѣйствій, опираясь на знаніе „законовъ природы“, математическіе расчеты и т. п. При отсутствіи соответственныхъ теоретическихъ и техническихъ наукъ, при отсутствіи достаточнаго запаса знаній и достаточной силы интеллекта, новые результаты такихъ сознательныхъ расчетовъ были бы весьма жалки и негодны, а старыя, бессознательно сложившіяся, но эмпирически удачныя приемы, бессознательныя кристаллизациі накопившагося опыта, подвергались бы растратѣ, вѣрнѣе, такія кристаллизациі эмпирической мудрости не создавались бы и не накоплялись вовсе. Главный культурный капиталъ человѣчества на нисшихъ ступеняхъ развитія состоитъ въ массѣ бессознательно удачныхъ практикъ, а тою психическою силою, которая берегаетъ, увеличиваетъ и передаетъ въ дальнѣйшія поколѣнія этотъ драгоценный капиталъ, является безотчетное уваженіе къ обычаямъ предковъ.

Такимъ образомъ и въ области техники слѣдуетъ приписать обычаю „несравненную цѣнность“ для извѣстныхъ первоначальныхъ ступеней развитія. Но, съ другой стороны, и здѣсь значеніе обычая мѣняется съ ускореніемъ прогресса вообще (вслѣдствіе инертности

обычая и неспособности его поспѣвать за движеніемъ культуры при извѣстной его быстротѣ, ср. выше) и съ накопленіемъ техническихъ знаній и сознательной силы интеллекта въ частности. Руководство дѣломъ развитія производства въ концѣ концовъ переходитъ къ факторамъ, воплощающимъ въ себѣ высшую степень сознательности и вмѣстѣ съ тѣмъ свободу отъ рутинѣ—къ наукѣ. На этой ступени сознательная, научная техника пріобрѣтаетъ въ свою очередь несравненную цѣнность, гедеть, въ свою очередь, къ такой быстротѣ прогресса, которая совсѣмъ немислима и недостижима при посредствѣ бессознательной эмпирики и обычая, и даетъ такіе результаты, которые по самому существу своему немислимы, какъ продуктъ бессознательно-эмпирическаго развитія обычая, какъ бы долго оно ни продолжалось. Технической же обычай на этой ступени развитія пріобрѣтаетъ въ значительной степени роль отсталой рутинѣ, тормозящей успѣхъ хозяйственной дѣятельности и ведущей даже къ тому, что производительныя единицы, слѣдующія обычаю, не могутъ существовать и гибнуть въ конкуренціи съ тѣми, которыя утилизируютъ новѣйшіе успѣхи техники, или же, что господство традиціонной рутинѣ задерживаетъ развитие и процвѣтаніе дѣльныхъ крупныхъ отраслей производства (напр., сельскаго хозяйства—типа хозяйства стараго, а потому обыкновенно особенно обремененнаго издавна укоренившимися обычаями, что, впрочемъ, въ значительной степени относится и къ разнымъ, особенно старымъ, ремесламъ и отраслямъ торговли). Обильныя иллюстраціи для этого положенія могло бы доставить и сравненіе общаго состоянія и развитія производства тѣхъ народныхъ хозяйствъ, которыя не были особенно обременены балластомъ техническихъ обычаевъ или освободились отъ нихъ и перешли къ утилизациі научной техники, съ тѣми, которыя въ этомъ отношеніи находятся въ иныхъ условіяхъ, напр., Сѣверной Америки съ Испаніей, Японіи съ Китаемъ. Между тѣмъ какъ Испанія и еще въ несравненно большей степени Китай обладаютъ старыми культурами и большимъ балластомъ всякаго рода накопившихся въ теченіе вѣковъ обычаевъ и традицій, Сѣверная Америка выступила на сцену и дѣйствуетъ безъ такого наслѣдія, а Японія слѣдуетъ освободиться отъ него, замѣняя его новѣйшими данными техническихъ наукъ.

Сказанное выше о техническихъ обычаяхъ относится вообще и къ обычному праву, поскольку оно оказываетъ вліяніе на производство. Но здѣсь, кромѣ того, мы можемъ установить еще слѣдующія спеціальныя положенія, вытекающія изъ специфической природы юридическихъ обычаевъ въ отличіе отъ техническихъ.

Существо юридическихъ обычаевъ въ отли-

чіе отъ техническихъ состоитъ въ императивно-атрибутивной силѣ первыхъ, ¹⁾ въ той особенноти, свойственной юр. нормамъ вообще, что онѣ налагаютъ на однихъ извѣстныя обязанности, закрѣпляя этотъ пассивъ за другими, какъ нѣчто ими пріобрѣтенное, имъ принадлежащее, какъ ихъ добро, ихъ активъ (притязанія, права).

Изъ атрибутивной функціи, изъ способности надѣлять правами, притязаніями, вытекаетъ, съ одной стороны, дистрибутивная, распределительная роль юр. обычаевъ въ отличіе отъ техническихъ ²⁾. Основная и непосредственная функція юр. обычаевъ состоитъ въ нормировкѣ распределенія (не только матеріальныхъ, но и разныхъ идеальныхъ благъ); непосредственная и основная функція техническихъ обычаевъ состоитъ именно въ регулированіи производства. Съ другой стороны, изъ атрибутивной силы юр. обычаевъ вытекаетъ ихъ большая сила давленія и большая инертность, нежели техническихъ обычаевъ (такъ какъ отступленіе отъ технического обычая въ тѣсномъ смыслѣ не затрагиваетъ правъ другихъ, и поэтому для такого отступленія достаточно силы инициативы и хозяйственнаго „свободомыслія“ даннаго индивида, отступленіе же отъ юр. обычая нарушаетъ права другихъ, и поэтому отдѣльные индивиды, хотя бы и самые энергичные и передовые, здѣсь безсильны).

Изъ этихъ посылокъ вытекаетъ, во-первыхъ, то положеніе, что при обычно-правовомъ развитіи, даже при одновременномъ развитіи техники производства тоже путемъ обычая, юр. обычаи, поскольку они вліяютъ и на производство, получаютъ въ большей или меньшей степени роль отстающаго и тормозящаго фактора. Во-вторыхъ, изъ нихъ вытекаетъ тотъ выводъ, что при обычно-правовомъ развитіи система распределенія должна отставать отъ системы производства и что юр. обычаи главнымъ образомъ этимъ косвеннымъ путемъ (вслѣдствіе устарѣлости системы распределенія) оказываютъ отрицательное, сдерживающее давленіе на развитіе производства. Наконецъ, изъ предыдущаго вытекаетъ, что эти положенія получаютъ тѣмъ болѣе серьезное значеніе, чѣмъ выше ступень культуры, и въ частности чѣмъ болѣе значенія пріобрѣтаетъ сознательная научная техника производства.

Для иллюстраціи этихъ положеній вспомнимъ, сколь могучій толчекъ впередъ данъ былъ развитію промышленности новымъ законодательствомъ, устранившимъ разныя средневѣковыя наслоенія обычно-правового происхожденія, разныя сословныя привилегіи, ограниченія и формы зависимости.

Если представить себѣ общество, какъ еди-

¹⁾ См. „Вѣстникъ Права“ 1899 № 1: „Что такое право“, стр. 13 и сл.

²⁾ Eodem, стр. 34 и сл.

ный производительный механизм, то разные обычно-правовые наслоения производят впечатлѣніе накопившихся съ теченіемъ времени засореній этого механизма, массы разныхъ тормазовъ и зацѣпъ, мѣшающихъ движенію и вызывающихъ треніе. Новое законодательство устранило эти сцѣпленія и тормазы и освободило производительныя силы отъ накопленнаго вѣками балласта.

Это сравненіе оправдывается и дѣлается нагляднымъ и въ томъ случаѣ, если мы обратимъ вниманіе на отдѣльныя отрасли производства. Для обрабатывающей промышленности обычно-правовое развитіе среднихъ вѣковъ выработало тѣсныя рамки цеховъ съ ихъ многообразнымъ и подчасъ причудливымъ обрядовымъ формализмомъ, со всевозможными видами тренія и зависимости однихъ отъ другихъ, съ устраняющимъ возможность общаго прогресса и личныхъ улучшеній желѣзнымъ шаблономъ. Здѣсь мы ясно видимъ, какъ обычно-правовое распределеніе правъ и обязанностей и разныхъ *privilegia adiosa u lucrativa*, хотя оно собственно не опредѣляетъ техническихъ приѣмовъ производства, тѣмъ не менѣе способно закрѣпить старинную техническую рутину и преградить путь для технического прогресса.

Тѣ же положенія подтверждаетъ и исторія добывающей промышленности. Если мы даже оставимъ въ сторонѣ разные обычно-правовые тормазы и виды стѣсненій и зависимости личнаго характера и обратимъ наше вниманіе на юридическое положеніе „вещей“, орудій производства (сюда мы относимъ не только капиталъ въ тѣсномъ смыслѣ, а и „силы природы“), то уже здѣсь мы найдемъ достаточныя подтвержденія и иллюстраціи для установленныхъ выше положеній. Вспомнимъ безчисленныя категоріи вещныхъ правъ и обремененій, созданныхъ обычнымъ германскимъ правомъ въ области поземельныхъ отношеній, разныхъ сервитутовъ, чиншевыхъ правъ, вещныхъ повинностей (*Reallasten*), всевозможныхъ правъ запрещенія и ограниченія—цѣлую причудливую сѣть такихъ правъ и обязанностей, которая спутывала по рукамъ и ногамъ сельскія хозяйства, такъ соединяла, сковывала другъ съ другомъ участки и имѣнія, что исключалась возможность прогресса и улучшеній.

Весьма трогательное впечатлѣніе производить любовное и восторженное отношеніе Гирке и другихъ германистовъ къ этимъ многообразнымъ продуктамъ „самобытнаго“ и обильнаго правового творчества германскаго народнаго духа и обычнаго права. Но достаточно внимательно вдуматься въ существо этихъ продуктовъ съ точки зрѣнія производства, чтобы вообразить себѣ все то треніе и скрипѣніе, которое ими вызывалось въ производительномъ механизмѣ. Здѣсь мы имѣемъ иллюстрацію того, какъ обычное право косвеннымъ путемъ, путемъ распределенія поземельныхъ выгодъ, не

касясь непосредственно техники сельскохозяйственнаго производства, можетъ тѣмъ не менѣе сдѣлаться преградой для технического прогресса, закрѣпляя техническую „старину“, принуждая и тѣхъ, которые бы желали внести прогрессъ и улучшения, слѣдовать устарѣлой рутинѣ.

Ограниченность мѣста не позволяетъ намъ входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе разныхъ способовъ и видовъ затормаженія производства путемъ обычно-правовыхъ наслоеній и накопленія соответственныхъ коллекцій историческихъ примѣровъ. Это обильная и интересная тема для крупной монографіи. Особенно характерныя и поразительныя иллюстраціи разныхъ обычно-правовыхъ тормазовъ производства могли бы доставить разные институты болѣе древняго типа, нежели средневѣковое, сравнительно новое и не достигшее настоящаго окамененія обычное право. Напр., разные сословныя ограниченія, помѣхи производства и формы зависимости, устраненныя новѣйшимъ законодательствомъ, — ничто въ сравненіи съ кастовымъ обычно-правовымъ строеніемъ и задерживающимъ вліяніемъ этого института на производство. Обычное право новыхъ формаций, не скрѣпленное религіозною санкціей, — весьма скромный образецъ искаженія и задержанія производства по сравненію съ разными системами древняго и древнѣйшаго обычнаго права, пріобрѣтшими съ теченіемъ вѣковъ подкрѣпленіе со стороны культа. Въ союзъ съ религіозною санкціей обычное право нерѣдко на цѣлыя тысячелѣтія закрѣпляетъ и болѣе или менѣе непосредственнымъ путемъ разную техническую рутину, превращая производство въ сложный обрядъ, въ большей или меньшей степени лишенный смысла при новыхъ обстоятельствахъ; оно устраняетъ нерѣдко разные категоріи лицъ отъ участія въ производительной дѣятельности путемъ разныхъ запрещеній и ограниченій; вычеркиваетъ массу дней въ году изъ числа дней производства (чѣмъ древнѣе религіозно-обычное право, тѣмъ болѣе принудительнаго празднованія разныхъ скопившихся воспоминаній, а подчасъ и праздниковъ неизвѣстнаго вслѣдствіе древности происхожденія); вычеркиваетъ разные полезные продукты изъ списка средствъ удовлетворенія потребностей (хотя, напр., вслѣдствіе перехода въ иную страну прежнія запрещенія лишились основанія); устраняетъ значительныя плодородныя пространства отъ производительнаго пользованія (напр., система табу въ пользу разныхъ божествъ: значительныя пространства закрѣплены въ собственность безчисленнымъ божествамъ; имъ же принадлежитъ исключительное право на всевозможные продукты и на земляхъ людей, такъ что производство и питаніе живущихъ съ теченіемъ времени крайне ограничивается). Оно заставляетъ нерѣдко значительную долю добытыхъ предметовъ потребленія

сжигать, выливать или закапывать въ землю (для кормленія разныхъ, имѣющихъ притязаніе на алименты, существъ, духовъ усопшихъ и т. д.); заставляетъ періодически уничтожать всякія орудія производства, всякое сбереженіе и капиталъ, не допуская перехода его къ слѣдующимъ поколѣніямъ (въ силу права собственности умершихъ на ихъ вещи, уносящихъ съ собою все свое, даже женъ и слугъ, въ гробъ, или, что еще поразительнѣе, остающихся послѣ смерти въ прежнемъ жилищѣ со всѣмъ своимъ добромъ, такъ что живущимъ приходится уходить, искать новаго мѣста, строить новое жилище и т. п.). Оно точно регламентируетъ и закрѣпляетъ на вѣки для всѣхъ однообразно или для разныхъ сословій различно пищу, форму и матеріаль одежды, жилищъ и т. д.¹⁾

Думая объ этихъ и т. п. явленіяхъ обычнаго права поневолѣ вспоминаешь модную теперь теорію развитія права, религіи etc., сводящую всѣ эти явленія духа человѣческаго на развитіе соціальной „матеріи“, на развитіе производства, видящую въ нихъ не болѣе какъ отраженіе и функцію производства, его формъ и потребностей—экономическій матеріализмъ. Но это ассоціація идей не по сходству, а по противоположности. Ибо именно явленія обычнаго права и вообще обычаевъ особенно наглядно показываютъ, какъ „матеріи“ марксистовъ и вообще экономическихъ матеріалистовъ приходится смиренно подчиняться непреодолимому давленію разныхъ кристаллизаций духа, иногда весьма причудливыхъ и фантастическихъ, существующихъ какъ бы въ насмѣшку и для доказательства пренебреженія „духа“ къ „матеріи“, всегда болѣе или менѣе деспотическихъ по отношенію къ „матеріи“, представляющихъ если не въ началѣ своего явленія, то во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени, при болѣе или менѣе продолжительномъ развитіи и укрѣпленіи—прокрустово ложе для той „матеріи“, которая по модному ученію такъ легко создаетъ себѣ подходящую декорацию въ области духа.

Согласіе права съ потребностями и задачами производства, не существующее тамъ, гдѣ господствуетъ „старина“, „старая пошлина“, „antiquae consuetudines“, и, стало быть, не существовавшее въ большей или меньшей степени уже въ силу господства этого рода права съ древнѣйшихъ временъ до (сравнительно съ почтеннымъ возрастомъ человѣческой культуры) недавняго времени, когда на мѣсто коснаго и инертнаго обычая сталъ воцаряться болѣе прогрессивный законъ, можетъ быть достигнуто

¹⁾ Народные обычаи регламентируютъ подчасъ даже форму тѣла человѣческаго, уродуя и коверкая его всевозможными причудливыми изображеніями, устанавливая даже форму головы, стѣсняя развитіе мозга младенцевъ, или лишаютъ организмъ работоспособности путемъ регламентации формы ногъ, предписанія извѣстной длины ногтей etc. etc.

лишь въ будущемъ, когда развитіемъ права будетъ руководить сознательная, научная мысль—наука политики права.

Впрочемъ, и тогда о рѣшающемъ господствѣ „матеріи“ въ смыслѣ экономического матеріализма не можетъ быть рѣчи, между прочимъ, уже потому, что, чѣмъ глубже и выше будетъ развитіе культуры вообще и политики права въ частности, тѣмъ большее значеніе и цѣнность приобретутъ идеальныя, духовныя блага вообще, какъ цѣль сама по себѣ, и въ частности тѣмъ большее значеніе приобретутъ идеальныя постулаты распределенія, справедливости и любви въ экономіи, хотя бы это должно было повести къ болѣе или менѣе значительнымъ жертвамъ съ точки зрѣнія производства.

И впрѣдъ матеріальное производство, его формы и maximum его успѣха не должно опредѣлять систему права, какъ основа побочную надстройку, какъ реальная сущность свою тѣнь и отраженіе. И здѣсь производству приходится подчиниться и уступать распределенію, но это несоотвѣтствіе имѣетъ иной характеръ и смыслъ нежели то, на которое мы указали выше, какъ на послѣдствіе господства „старой пошлины“; оно означаетъ подчиненіе производства передовому распределенію, предшествіе въ этомъ смыслѣ распределенія производству, а не искаженіе и затормаживаніе производства отсталымъ правовымъ распределеніемъ, не отягченіе производства накопившимся въ теченіе вѣковъ балластомъ окаменѣлостей и рутинъ разныхъ вѣковъ.

Л. І. Петражицкій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзорніе уголовной кассационной практики за 1897 г.

Къ вопросу о растлѣніи. (1523, 1524, 1528 ст. ул. о нак.).

Постановленія ул. о нак., касающіяся изнасилованія и растлѣнія, какъ извѣстно, возбуждаютъ большія затрудненія, устраненіе которыхъ едва ли возможно иначе, какъ путемъ измѣненія соотвѣствующихъ статей въ порядкѣ законодательномъ. Толкованіе здѣсь приводитъ къ невозможнымъ результатамъ, либо переходитъ за предѣлы, указанные закономъ, давая такіе отвѣты на возникающіе вопросы, которые никакой почвы положительно-правовой подъ собой не имѣютъ.

Если подъ выраженіемъ „растлѣніе“, употребляемымъ въ 1523, 1524 и 1528 ст., понимать лишеніе физической дѣвственности чрезъ естественное половое сношеніе, или, нѣсколько шире, первое такое сношеніе, независимо отъ того, сопровождалось ли оно прорваніемъ *hymen'a* (могущаго отсутствовать по разнымъ причинамъ и у дѣвушекъ, не имѣвшихъ поло-

вхъ сношеній), то окажется, что по уложенію не можетъ быть наказано лицо, изнасилованное женщиною, не достигшую 14-ти лѣтъ, но уже лишенную невинности. Таковъ буквальный смыслъ относящихся сюда статей, изъ коихъ 1523-я говоритъ о растлѣніи дѣвицы, не достигшей 14-ти лѣтъ, сопровождавшемся насиліемъ; 1524-я о такомъ же растлѣніи, безъ насилія, но съ злоупотребленіемъ невинностью и невѣдѣніемъ жертвы; 1525-я объ изнасилованіи имѣющей болѣе 14-ти лѣтъ дѣвицы или женщины и 1528-я о такомъ же изнасилованіи, соединенномъ съ растлѣніемъ. Основаніемъ такой системы служило то, что законъ „естественно предполагаетъ каждую малолѣтнюю дѣвицу нерастлѣнной“ (Выс. утв. 3 мая 1848 г. мн. Гос. Сов. по дѣлу Богдановыхъ). Сославшись на такое соображеніе при разрѣшеніи вопроса о наказуемости Андрея Богданова, обвинявшагося въ насильственномъ совокупленіи съ малолѣтней дѣвочкой, послѣ того, какъ дѣвственная ея плева была разорвана другимъ лицомъ, Госуд. Совѣтъ призналъ нужнымъ примѣнить ст. 1523 уложенія. Такимъ образомъ оказывалось, 1) что при насильственномъ совокупленіи съ дѣвочкой, не достигшей 14-ти лѣтъ, вопросъ о растлѣніи, въ смыслѣ лишенія физической невинности, не долженъ былъ ставиться и не могъ вліять на наказуемость; во всякомъ случаѣ примѣнялась статья 1523; 2) равнымъ образомъ, лишеніе физической невинности не должно было вліять на наказуемость въ случаѣ полового совокупленія съ малолѣтней, не достигшей 14-ти лѣтъ, безъ насилія, но съ злоупотребленіемъ ея невинностью или невѣдѣніемъ: тутъ должна была всегда примѣняться 1524 ст., хотя бы было доказано, что виновный злоупотребивъ невинностью и невѣдѣніемъ потерпѣвшей, не могъ растлѣть ее, потому что уже раньше, можетъ быть въ дѣтствѣ, она была уже лишена невинности физической; (очевидно, такое обстоятельство не препятствуетъ возможности говорить о послѣдующемъ совокупленіи съ „злоупотребленіемъ невинностью или невѣдѣніемъ“, такъ какъ въ первомъ случаѣ рѣчь идетъ о физическомъ состояніи организма, а во второмъ—о сознательномъ или несознательномъ его отношеніи къ акту совокупленія); 3) если жертва перешла 14-ти-лѣтній возрастъ, вопросъ о растлѣніи могъ быть поставленъ только въ случаѣ насильственного совокупленія; тутъ (по ст. 1528) растлѣніе, въ смыслѣ лишенія невинности, оказывалось обстоятельствомъ увеличивающимъ мѣру наказанія. Изъ сравненія же наказуемости по этой системѣ выходило, что изнасилованіе четырнадцатилѣтней дѣвственницы, соединенное съ растлѣніемъ, наказывается значительно мягче, чѣмъ изнасилованіе тринадцатилѣтней, уже имѣвшей половыя сношенія совершенно сознательно (8 лѣтъ каторги—10 или 12 лѣтъ). Такимъ образомъ возрастному признаку здѣсь давалось гораздо

большее значеніе, чѣмъ факту растлѣнія, въ смыслѣ лишенія физической невинности.

Со введеніемъ судебныхъ уставовъ эта система была въ значительной степени измѣнена разъясненіями Сената, послѣдовавшими по дѣламъ Игорева (69—958), Валикова (70—1167), Усачева (75—356) и Ведилина (76—96). Изъ совокупности этихъ разъясненій оказывалось, что насильственное совокупленіе съ дѣвочкой, не достигшей 14-ти лѣтъ, должно быть караемо по 1523 ст., если установлено, что виновный при этомъ лишилъ свою жертву невинности; если же установлено, что жертва уже раньше была лишена невинности, то Сенатъ находилъ болѣе правильнымъ примѣнять ст. 1525, въ виду того, что 12-ти-лѣтнія дѣвочки и въ сѣверномъ климатѣ нерѣдко представляютъ примѣръ преждевременной половой зрѣлости, и наоборотъ, что достигшія 14-ти-лѣтняго возраста оказываются отсталыми въ процессѣ развитія, такъ что возрастной признакъ является не постояннымъ, а относительнымъ, тогда какъ фактъ насилія всегда рѣзко и одинаково характеризуется въ преступленіяхъ противъ женщинъ. Затѣмъ, въ случаѣ ненасильственного совокупленія, Сенатъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, принялъ (въ 1876 г.) такую систему, согласно которой въ періодѣ малолѣтняго возраста, до 10-ти лѣтъ, половое совокупленіе предполагается всегда соединеннымъ съ растлѣніемъ и можетъ быть только послѣдствіемъ злоупотребленія невинностью и невѣдѣніемъ малолѣтней, а потому для примѣненія ст. 1524 къ дѣламъ о растлѣніи малолѣтнихъ до 10-ти-лѣтняго возраста вовсе не требуется, чтобы присяжные засѣдатели признали, что растлѣніе послѣдовало вслѣдствіе злоупотребленія невинностью потерпѣвшей: фактъ этотъ разумѣется самъ собою. Въ возрастѣ же отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ для примѣненія ст. 1524 необходимо, чтобы фактъ злоупотребленія невинностью былъ признанъ присяжными, причемъ и самый вопросъ объ этомъ долженъ быть поставленъ. Весьма важно притомъ, что Сенатъ призналъ возможнымъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ о злоупотребленіи невинностью и невѣдѣніемъ, хотя бы было доказано, что потерпѣвшая не была дѣвственницей въ физическомъ смыслѣ слова, — если только она была лишена физической невинности въ такомъ возрастѣ, когда она не могла понимать значенія полового акта.

Изъ приведеннаго видно, что по отношенію къ 1523-й и 1524-й ст. улож. дѣятельность Сената носила не интерпретаціонный только, а чисто творческій характеръ, сводясь къ молчаливому подразумѣванію несуществующей въ уложеніи промежуточной статьи, карающей за половое совокупленіе съ малолѣтней, не достигшей десяти лѣтъ, безъ насилія, причемъ ст. 1524 читалась бы такъ: „если половое совокупленіе съ дѣвицей въ возрастѣ отъ 10-ти

до 14-ти лѣтъ учинено безъ насилія, но по употребленію во зло ея невинности и невѣднія, то...“ и т. д.

Изъ прежнихъ сенатскихъ разъясненій оказывалось такимъ образомъ вполне несостоятельнымъ то (по д. Игорева), согласно которому изнасилованіе малолѣтней, не достигшей 14-ти лѣтъ, но уже растлѣнной, должно быть всегда наказано по ст. 1525. Очевидно, что разъ ненасильственное совокупленіе съ малолѣтней до 10-ти лѣтъ, на основаніи рѣшенія по д. Веделина, всегда карается по ст. 1524, какъ растлѣніе, независимо отъ того, была ли жертва ранѣе растлѣна, или нѣтъ, то насильственное совокупленіе съ такой малолѣтней всегда должно быть наказано по 1523 ст., предусматривающей растлѣніе съ насиліемъ. Далѣе, въ случаѣ изнасилованія дѣвочки отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ при признаніи того обстоятельства, что жертва уже раньше была растлѣна въ томъ смыслѣ, какой придаетъ Сенатъ этому выраженію въ 1524 ст. (т. е., другими словами, при признаніи того, что ненасильственное половое сношеніе съ ней было бы ненаказуемо), ст. 1523 уже непримѣнима, а должна бы примѣняться ст. 1525. Статья же 1523 находитъ себѣ примѣненіе къ изнасилованію малолѣтней отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ, если будетъ признано, что жертва была невинна въ физическомъ смыслѣ, а также если она хотя и лишена была ранѣе физической дѣвственности, но оставалась нравственно невинной и невѣдающей (другими словами, если состояніе дѣвочки было таково, что ненасильственное половое съ ней сношеніе было бы наказано по 1524 ст.).

Виною всѣхъ сомнѣній и неясностей было, конечно, главнымъ образомъ введеніе въ уложеніе понятія „растлѣнія“, ближайшимъ образомъ неопредѣляемаго и весьма сбивчиво и неудачно сочетаемаго съ понятіемъ изнасилованія. Тотъ широкій смыслъ, который придалъ этому слову Сенатъ, расходясь съ житейскимъ пониманіемъ, непримѣнимъ и къ ст. 1528 улож.; по крайней мѣрѣ мы не думаемъ, чтобы Сенатъ допускалъ возможность подведенія подъ эту статью тѣхъ случаевъ, когда перешедшая 14-ти-лѣтній возрастъ жертва изнасилованія—не дѣвственница въ физическомъ смыслѣ, хотя сознательно и не имѣла половыхъ сношеній (была лишена невинности въ очень раннемъ возрастѣ). Какъ бы то ни было, Сенатъ по этому вопросу, сколько намъ извѣстно, не высказывался. Судебная же практика еще и потому должна была быть поставлена въ затрудненіе, что при примѣненіи ст. 1524 приходилось считаться съ двумя противоположными рѣшеніями касательно постановки вопроса о злоупотребленіи невинностью и невѣдніемъ: въ рѣшеніи по д. Усачева (75—356), признаннаго виновнымъ въ совершеніи полового совокупленія съ 11-ти-лѣтней дѣвочкой безъ насилія, съ разрывомъ

дѣвственной плевы, Сенатъ призналъ, что, отвергнувъ насиліе, присяжные этимъ самымъ хотя отвергли существенный признакъ для примѣненія ст. 1523 улож., но не отвергли употребленія во зло невинности и невѣднія 11-ти-лѣтней дѣвочки, и этимъ установили именно существованіе тѣхъ признаковъ, которые обусловливаютъ примѣненіе 1-й части ст. 1524 улож., какъ это и было сдѣлано окружнымъ судомъ, хотя въ предложенномъ на разрѣшеніе присяжныхъ вопросѣ признаки эти и не были указаны. Въ позднѣйшемъ же рѣшеніи по д. Веделина (76—96) Сенатъ уже требуетъ для примѣненія ст. 1524 по отношенію къ малолѣтнимъ отъ 10-ти до 14-ти лѣтъ постановки вопроса о томъ, было ли злоупотребленіе невинностью или невѣдніемъ, буде отвергнутъ фактъ насилія. Всѣ эти различія, конечно, даже и не пытаются выводить изъ самаго текста относящихся сюда статей уложенія, вовсе не знающихъ ни дѣленія на два возрастныхъ періода—до 10-ти лѣтъ и отъ 10-ти до 14-ти, ни всѣхъ дальнѣйшихъ послѣдствій, вытекающихъ изъ такого дѣленія. Кромѣ того, по этой, установившейся въ 70-хъ годахъ системѣ, приходилось примѣнять ст. 1525, говорящую объ изнасилованіи дѣвицы или женщины, имѣющей болѣе четырнадцать лѣтъ отъ роду, къ случаямъ изнасилованія малолѣтнихъ, не достигшихъ 14-ти лѣтъ (но уже лишенныхъ невинности), вопреки прямому тексту закона.

Послѣдовавшее 28 января 1897 г. обстоятельное разъясненіе Сената по дѣлу Ефима Л. и Николая Ж., хотя и не устранило всѣхъ недоразумѣній, вызываемыхъ ст. 1523 и 1524,—полное устраненіе которыхъ, повторяемъ, достижимо только въ порядкѣ законодательномъ,—но дало, по крайней мѣрѣ, возможность суду руководиться опредѣленными и точными указаніями.

Мы не станемъ касаться обстоятельствъ дѣла, не имѣющихъ здѣсь прямого интереса, а приведемъ только выводы, сдѣланные Сенатомъ „изъ соображеній всѣхъ ранѣе послѣдовавшихъ разъясненій съ коренною мыслью, положенною въ основу статей 1523 и 1524 улож. о нац. составителями проекта уложенія“. Выводы эти заключаются въ томъ, что: 1) подъ употребленнымъ въ ст. 1523 и 1524 улож. словомъ „растлѣніе“ разумѣтся не лишеніе потерпѣвшей дѣвственной плевы, а вообще соитіе съ потерпѣвшею, хотя бы она и была растлѣна ранѣе; 2) посему, по дѣламъ о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ названными статьями, въ постановляемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей вопросахъ не должно быть упоминаемо ни о нарушеніи обвиняемымъ означенной плевы, ни о томъ, что дѣвственность потерпѣвшей утеряна была ранѣе; 3) по той же причинѣ, при признаніи обвиняемаго виновнымъ въ насильственномъ совокупленіи съ недостигшею 14-ти лѣтъ дѣвочкою, хотя бы

и ранѣе растлѣнною, наказаніе должно быть опредѣляемо по ст. 1523 улож. о нак.; 4) равнымъ образомъ, при признаніи обвиняемаго виновнымъ въ злоупотребленіи невинностью или невѣдѣніемъ не достигшей 14 лѣтъ дѣвочки при совокупленіи съ нею безъ насилія, наказаніе должно быть назначаемо по ст. 1524 ул. о нак.; 5) въ виду тѣхъ же соображеній, при отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей, что совокупленіе съ не достигшею 14-ти-лѣтнаго возраста дѣвочкою было совершено безъ насилія и безъ злоупотребленія ея невинностью или невѣдѣніемъ, обвиняемый въ совокупленіи можетъ подлежать отвѣтственности лишь по ст. 994 улож. о нак.; 6) при отвѣтѣ присяжныхъ засѣдателей, что совокупленіе съ не достигшею 10-ти-лѣтнаго возраста дѣвочкою было совершено безъ насилія, судъ имѣетъ право примѣнить къ признанному виновнымъ въ совокупленіи съ такою дѣвочкою ст. 1524 улож. о нак., хотя бы на разрѣшеніе присяжныхъ и не было поставлено вопроса по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго этою статьею; 7) такого права судъ не имѣетъ въ томъ случаѣ, когда потерпѣвшей во время происшествія было отъ 10 до 14 лѣтъ; если же въ подобныхъ случаяхъ, по обстоятельствамъ дѣла, присяжнымъ засѣдателямъ быть поставленъ только вопросъ по признакамъ преступленія, указаннаго въ ст. 1523 улож. о нак., то при отвѣтѣ присяжныхъ, что совокупленіе совершено безъ насилія, на обязанности суда должно лежать, не допуская провозглашенія такого отвѣта, согласно ст. 808 и 816 уст. угол. суд. (по прод. 1890 г.), постановленіе дополнительнаго вопроса по признакамъ, означеннымъ въ ст. 1524 улож. о нак., а не постановленіе оправдательнаго приговора въ силу 1 п. ст. 771 уст. угол. суд.

Приведенныя выше соображенія, казалось бы, достаточны для оцѣнки этихъ разъясненій. Поскольку они стремятся къ строгой наказуемости посягательствъ на дѣтей, расширяя объемъ примѣненія ст. 1523, давая возможность примѣнять ст. 1524 ко всѣмъ безусловно случаямъ ненасильственнаго совокупленія, если жертва не достигла 10-ти-лѣтнаго возраста, и подтверждая тотъ принципъ, что растлѣніе возможно и по отношенію къ дѣвочкѣ, лишенной уже дѣвственности,—причемъ и самое понятіе растлѣнія въ сущности упраздняется,—они имѣютъ огромную важность и представляются высоко цѣлесообразными. Но вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ же послѣдствія, какія вытекаютъ изъ мнѣнія Гос. Совѣта по д. Богдановыхъ (къ которому рѣшеніе 1897 года въ нѣкоторомъ отношеніи и возвращается). Оказывается, что растлѣніе, играющее роль увеличивающаго вину обстоятельства при изнасилованіи лица, достигшаго 14-ти лѣтъ, не имѣетъ такого значенія, если изнасилована дѣвочка не имѣющая 14-ти лѣтъ;

другими словами, лицо, виновное въ насильственномъ совокупленіи съ дѣвочкой, не достигшей даже и 10-ти лѣтъ, съ лишеніемъ ея невинности, будетъ наказано такъ же, какъ и виновное въ насильственномъ совокупленіи съ 13-ти-лѣтней, уже имѣвшей половыя сношенія вполне сознательно. Съ другой стороны, изнасилованіе послѣдней будетъ наказано гораздо строже, чѣмъ изнасилованіе дѣвочки, достигшей 14-ти лѣтъ, но не потерявшей ни физической, ни нравственной невинности. Такимъ образомъ, значеніе растлѣнія оказывается въ высшей степени неопредѣленнымъ и колеблющимся въ зависимости отъ возраста, а шаткость этого признака несомнѣнна. Къ тому же, и съ точки зрѣнія этихъ разъясненій остается неяснымъ, слѣдуетъ-ли придавать растлѣнію, о которомъ говорить ст. 1528, то же значеніе, какъ и въ ст. 1524, т. е. слѣдуетъ-ли непременно, чтобы присяжными былъ констатированъ фактъ разорванія дѣвственной плевы, или же достаточно, для примѣненія ст. 1523, чтобы жертва насильственнаго совокупленія не сознавала свойства и значенія совершаемаго надъ нею дѣянія, чтобы, значить, она была годнымъ объектомъ для растлѣнія, предусмотрѣннаго ст. 1524. Отвѣчая въ первомъ смыслѣ, мы бы придали выраженію „растлѣніе“ два разныхъ смысла; но другой отвѣтъ создаетъ огромныя затрудненія при постановкѣ вопросовъ и уже совершенно отступалъ бы отъ текста ст. 1528.

Въ виду всего сказаннаго, представляется единственно правильной система проекта, совершенно отказывающагося отъ понятія „растлѣнія“ и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширяющаго предѣлы возрастнаго срока, до истеченія коего наказуемо и ненасильственное совокупленіе, при томъ условіи, что виновный злоупотребилъ невинностью жертвы. Проектъ въ ст. 459 предусматриваетъ и караетъ исправительнымъ домомъ на срокъ не ниже трехъ лѣтъ плотское сношеніе съ несовершеннолѣтнею отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ безъ ея согласія, или хотя и съ ея согласіемъ, но по употребленію во зло ея невинности; въ ст. 460—плотское сношеніе съ ребенкомъ, не достигшимъ двѣнадцати лѣтъ, карая виновнаго каторгою на срокъ не свыше десяти лѣтъ,—причемъ безразлично, учинено-ли преступленіе насильственно или нѣтъ, и самая наказуемость одинакова съ наказуемостью за изнасилованіе. Этимъ совершенно устраняется понятіе „растлѣнія“, дается возможность карать совокупленіе съ дѣвочками, хотя и перешедшими 14-ти-лѣтній возрастъ, но не достигшими 16-ти лѣтъ, и устанавливается на прочныхъ основаніяхъ охрана дѣтей, не достигшихъ 12-ти лѣтъ, такъ какъ не возбуждается даже вопроса о томъ, достигнуто-ли было виновнымъ согласіе жертвы, или же она принуждена была подчиниться грубому насилію.

Условное помилованіе въ Германіи.

(Письмо изъ Лейпцига).

На-дняхъ Reichsjustizam'tомъ Германіи представлены рейхстагу данныя о примѣненіи за истекшій годъ института „условнаго помилованія“ въ различныхъ германскихъ государствахъ. Данныя эти рейхстагъ предполагаетъ имѣть въ виду при предстоящемъ обсужденіи объединенія указаннаго института, функционирующаго до настоящаго времени въ Германіи въ различныхъ формахъ, принятыхъ тѣмъ или инымъ союзнымъ государствомъ. Эти свѣдѣнія не лишены интереса.

Общее число случаевъ, гдѣ было проіостановлено приведеніе судебного приговора въ исполненіе въ виду возможности „условнаго помилованія“, составляетъ 15,063, изъ коихъ на Пруссію приходится 10,075 случаевъ. Этотъ огромный % стоитъ, конечно, въ зависимости отъ количества народонаселенія даннаго государства, а не отъ какихъ-либо иныхъ основаній. По преимуществу привилегіей погасительной отсрочки наказанія пользуются лица, недостижшія 18-лѣтняго возраста, въ Баденѣ даже исключительно таковыя. Въ иныхъ случаяхъ всегда принимается во вниманіе предшествующая жизнь осужденнаго, причѣмъ судъ главнымъ образомъ останавливается на томъ, не былъ-ли онъ уже подвергнутъ наказанію лишеніемъ свободы (Баварія, Виртембергъ, Баденъ), или вообще не является-ли рецидивистомъ (Пруссія). О допущенныхъ исключеніяхъ имѣющійся статистическій матеріалъ не открываетъ возможности судить. Преобладающее количество наказуемыхъ дѣяній, по отношенію къ коимъ примѣнялось условное помилованіе, представляютъ, напр., въ Баваріи дѣсныя проступки: 1,278 изъ 2,034; въ иныхъ государствахъ имущественныя преступленія иного рода—кражи и присвоенія. Въ Баваріи, Виртембергѣ, Баденѣ, Ольденбургѣ для примѣненія условнаго помилованія опредѣленное судомъ наказаніе не должно превышать 3 мѣсяцевъ лишенія свободы; въ Пруссіи, Мекленбургѣ, Эльзасъ-Лотарингіи—6 мѣсяцевъ. На дѣль-же обыкновенно идетъ рѣчь о лишеніи свободы на время не свыше 6 недѣль.

Краткость времени существованія института условнаго помилованія въ Германіи не позволяетъ сдѣлать никакихъ выводовъ ни о пользѣ, ни о вредѣ института. Трудно даже сравненіе случаевъ, гдѣ „помилованный“ до конца „выдержалъ испытаніе“, съ случаями новаго нарушенія въ теченіе періода испытанія. Исключеніе представляетъ Баварія, гдѣ число „выдержавшихъ испытаніе“ составляетъ около 78%, и Виртембергъ—63%. Но эти цифры, конечно, ничего не говорятъ ни за, ни противъ института условнаго помилованія.

Трудно сказать, въ какомъ смыслѣ разрѣ-

шить рейхстагъ предстоящую ему задачу объединенія института условнаго помилованія или условнаго осужденія, подъ каковымъ именемъ мы его знаемъ. Дитя теоріи исправленія преступниковъ, вскормленное, однако, не какимъ-либо гуманнымъ или педагогическимъ общественнымъ теченіемъ, а простымъ экономическимъ разчетомъ, стремленіемъ къ сокращенію государственныхъ расходовъ на карательныя мѣропріятія,—институтъ этотъ до настоящаго времени не находитъ себѣ всеобщаго признанія. За послѣднее время число его противниковъ даже превышаетъ число его сторонниковъ. Извѣстно, какъ холодно отнеслось въ 1896 г. 15 янв. прусское министерство юстиціи къ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ ему по поводу бюрократическаго характера института въ Пруссіи, —ограничившись совѣтомъ пожелать практическихъ результатовъ. Нельзя однако не замѣтить, что въ томъ видѣ, въ какомъ институтъ этотъ существуетъ въ Германіи, онъ является еще наименѣе противорѣчащимъ правовой логикѣ и требованіямъ правовой педагогики.

Прив.-доц. Н. Розинъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Выпускъ въ свѣтъ изданія, напечатаннаго безъ предварительной цензуры.

Въ послѣднемъ департаментскомъ засѣданіи уголовнаго кассационнаго департамента слушалось дѣло по жалобѣ старшаго инспектора типографій въ С.-Петербургѣ на приговоръ столичнаго мирового съѣзда по обвиненію п. п. г. И. Скороходова по 1012 ст. ул. о нак. Въ журналѣ „Міръ Божій“, печатавшемся въ типографіи Скороходова, за 1897 г., былъ помѣщенъ романъ г. Потапенко „Живая жизнь“. Съ этого романа въ той же типографіи дѣлалась перепечатка для отдѣльнаго изданія по заказу издательницы журнала, Давыдовой. Давыдова, продавъ этотъ романъ Клокину, въ Москвѣ, перевезла его отдѣльными листами, которые типографія ей выдавала, въ Москву, гдѣ была напечатана обложка и титулъ, послѣ чего книга была представлена въ Московскій цензурный комитетъ типографіей Гербека. Усматривая въ дѣйствіяхъ Скороходова нарушеніе 143 и 167 ст. уст. ценз., старшій инспекторъ типографическихъ и т. п. заведеній, а также книжной торговли въ С.-Петербургѣ возбудилъ уголовное преслѣдованіе противъ Скороходова за нарушеніе 142, 143, 149 и 167 ст. уст. о ценз. и печ. и просилъ подвергнуть его наказанію по 1012 ст. улож. о нак., предусматривающей „выпускъ въ свѣтъ напечатаннаго или налитографированнаго безъ предварительной цензуры не періодическаго изданія, прежде истеченія установленнаго срока съ полученія росписки въ принятіи цензурнымъ комитетомъ означенныхъ экземпляровъ“. Мировой съѣздъ, рассматривая жалобу старшаго инспектора на оправдательный приговоръ мир. судьи 9 уч., нашель, что въ выраженіи 1012 ст. „выпускъ въ свѣтъ“ относится лишь къ выпуску въ свѣтъ „полнаго изданія, а не отдѣльныхъ листовъ, которые закономъ не возбранено печатать въ различныхъ типографіяхъ и затѣмъ брошюровать въ одно изданіе, которое издатель, до „выпуска въ свѣтъ“, обязанъ представить въ цензурный комитетъ. По мнѣнію

създа, въ дѣяніи Скороходова можно усмотрѣть лишь нарушение 142 ст. уст. о ценз., согласно которой произведеніе печати, до выпуска его въ свѣтъ, представляется въ мѣстный цензурный комитетъ, но этотъ законъ, опредѣляющій мѣстную компетенцію комитетовъ, не имѣетъ вовсе карательной санкціи; лицо же, представившее книгу не въ подлежащій комитетъ, по мнѣнію съезда, никакой отвѣтственности не подлежитъ. Не усматривая поэтому въ дѣяніи Скороходова признаковъ уголовно-наказуемаго проступка, мировой съездъ, на основаніи 1 ст. у. у. суд., дѣло производствомъ прекратилъ.

На этотъ приговоръ старшимъ инспекторомъ типографіи была принесена кассационная жалоба въ уголовный кассационный департаментъ Правительствующаго Сената, въ которой доказывается неправильность толкованія съездомъ 1012 ст. ул. о нак. „Выпускъ въ свѣтъ“ (1012 ст.), отличающаго отъ выпуска въ обращеніе и въ употребленіе болѣе или менѣе общее (ст. 1021 улож. о нак.). По ст. 1012 выпускъ въ свѣтъ осуществляется одною передачею сочиненія изъ типографіи въ постороннія руки, хотя бы издателя. Ненаказуемость выдачи отдѣльных листовъ издателью дала бы возможность распространять самыя вредныя по своему направленію сочиненія, прежде чѣмъ о нихъ станетъ извѣстно цензурѣ. Въ данномъ случаѣ отдѣльные листы романа „Живая жизнь“ поступили изъ типографіи къ Давыдовой, отъ нея къ купившему этотъ романъ Ключину въ Москвѣ, этотъ послѣдній могъ бы перепродать ихъ третьему лицу, которое, быть можетъ, перевезло бы ихъ въ Петербургъ, не представляя въ цензуру. Такимъ образомъ, книга распространилась бы и, по толкованію съезда, типографъ, выпустившій ее первоначально, не подлежалъ бы отвѣтственности, такъ какъ книга не представляла „дѣлага“ изданія. Такое толкованіе совершенно несомѣстимо со ст. 149 уст. о ценз., предоставляющей министру внутреннихъ дѣлъ право, въ случаѣ признанія имъ отпечатаннаго безъ предварительной цензуры сочиненія особенно вреднымъ, сдѣлать распоряженіе о предварительномъ задержаніи такого произведенія и представить о воспрещеніи его выпуска въ свѣтъ на окончательное разрѣшеніе комитета министровъ. По этимъ соображеніямъ кассаторъ находить, что ст. 1 уст. уг. суд. неправильно примѣнена мировымъ съездомъ къ дѣлу по обвиненію Скороходова по ст. 1012 улож. и проситъ объ отмѣнѣ приговора.

Дѣло передано на уваженіе департамента по вопросу, впервые возникшему въ нашей судебной практикѣ, о толкованіи 1012 ст. улож. о нак. и 142 167 ст. уст. ценз.

Докладывалъ дѣло сенаторъ А. Θ. Кони, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора М. Θ. Губскій. Правительствующій Сенатъ кассировалъ приговоръ, за нарушеніемъ 1012 ст. улож. о наказаніяхъ.

II

Подлогъ векселей.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Псковскомъ окружномъ судѣ въ теченіе семи дней шло дѣло о кушцахъ Лурье, Равичѣ и мѣщ. Гуревичѣ, обвинявшихся: первые двое—въ подстрекательствѣ къ подлогу, а послѣдній—въ совершеніи подложныхъ отъ имени своихъ хозяевъ векселей. Для отраженія безпристрастія судебного приговора и въ виду особой важности дѣла, оно, по указу Прав. Сената, перенесено изъ Витебскаго въ Псковскій окружный судъ.

На разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей было поставлено 128 вопросовъ о виновности подсудимыхъ. Лурье и Равичъ признаны виновными въ подстрекательствѣ, а Гуревичъ въ самомъ учиненіи подложныхъ векселей, и судъ, на основаніи этого вердикта, приговорилъ подсудимыхъ, по лишеніи всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ

правъ и преимуществъ, къ ссылкѣ на житье въ Иркутскую губернію.

На этотъ приговоръ поступили кассационныя жалобы отъ защитниковъ: Гуревича—прис. пов. Н. П. Карабчевскаго, Лурье и Равича—прис. пов. П. Г. Миронова и пом. прис. пов. О. О. Грузенберга, и кассационный протестъ прокурора суда.

Въ протестѣ указывается, что судъ неправильно освободилъ подсудимыхъ отъ безотлучнаго пребыванія въ мѣстѣ, назначенномъ для житья, въ теченіе извѣстнаго срока, и что Всемилоствившій манифестъ не освобождаетъ отъ безотлучнаго пребыванія въ теченіе указаннаго срока, а только сокращаетъ этотъ срокъ на одну треть. Прис. пов. Карабчевскій указывалъ на то, что судъ обязанъ былъ приобщить къ дѣлу принесенныя защитниками Гуревича конторскія книги, въ особенности въ виду выраженаго однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей мнѣнія насчетъ важности такихъ книгъ; затѣмъ г. Карабчевскій указалъ на неправильный отказъ суда въ постановкѣ дополнительнаго вопроса о Лурье и Равичѣ, какъ физическихъ виновникахъ подлога, хотя къ тому было основаніе въ экспертизѣ, установленной, что на нѣкоторыхъ подложныхъ векселяхъ подписи Равича и Лурье сдѣланы, повидимому, измѣненными почеркомъ самихъ подсудимыхъ. Въ заключеніе жалобы защитникъ Гуревича присоединяется къ доводамъ кассационной жалобы защитниковъ подсудимыхъ Лурье и Равича.

Существенную часть жалобы гг. Миронова и Грузенберга составляетъ указаніе на неправильный отказъ суда, въ стадіи подготовительныхъ къ суду распоряженій, въ вызовѣ свидѣтелей (нарушеніе 575 и 576 ст. уст. уг. суд.) и на неправильное признаніе законною неявку свидѣтелей, живущихъ въ округѣ другого суда (нарушеніе 2 п. 642 ст.).

По первому пункту кассаторы указываютъ, что они во время подготовительныхъ къ суду распоряженій обратились съ просьбой о вызовѣ свидѣтелей, въ опроверженіе того пункта обвинительнаго акта, что преступленіе это могло быть совершено Лурье и Равичемъ вслѣдствіе отсутствія у нихъ средствъ; эти же свидѣтели имѣли установить нравственную личность подсудимыхъ, что являлось очень важнымъ обстоятельствомъ, такъ какъ они судились въ судѣ чуждой мѣстности. Судъ, опредѣленіемъ отъ 3 сентября 1898 года, отказалъ въ вызовѣ этихъ свидѣтелей, находя, что эти обстоятельства не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу. Тогда защита просила вызвать этихъ свидѣтелей за счетъ подсудимыхъ. Обсуждая это новое ходатайство защиты, судъ вторично отказалъ въ вызовѣ, что составляетъ нарушеніе 575 ст. даже въ прежней редакціи (рѣш. Правит. Сен. 1896 г. № 17, 1888 г. № 21 и др.), не говоря уже о редакціи ея по закону 18 марта 1896 г., въ силу котораго обязательны вызовъ свидѣтелей по обстоятельствамъ, „которые лишь *могутъ* имѣть значеніе для дѣла“. Далѣе, судъ допустилъ вызовъ, по просьбѣ гражданскаго истца, свидѣтеля Гашкеля, хотя гражданскій истецъ потерялъ всѣ законные сроки на вызовъ свидѣтеля. Защита ходатайствовала тогда о приостановкѣ судебного засѣданія, дабы дать подсудимымъ возможность вызвать контръ-свидѣтелей, могущихъ опровергнуть показаніе свидѣтеля Гашкеля. Судъ призналъ этихъ свидѣтелей существующими и отложилъ судебное засѣданіе по дѣлу. Но засимъ, на просьбу защиты, вызвать въ качествѣ свидѣтелей, въ опроверженіе показанія Гашкеля,—Писарева, Молчанова, Васильева и фонъ-Дризена, судъ нашелъ допросъ свидѣтелей по этому обстоятельству несущественнымъ, ставъ, такимъ образомъ, въ явное противорѣчіе съ своимъ собственнымъ опредѣленіемъ по тому же вопросу. Когда же защита просила о вызовѣ этихъ свидѣтелей за счетъ подсудимыхъ и представила необходимую прогонную сумму, судъ вновь отказалъ въ вызовѣ, сославшись на то, что показанія этихъ свидѣтелей несущественны.

Далѣе кассаторы указываютъ, что въ засѣданіи

15 октября 1898 г. обнаружилось, что изъ числа свидѣтелей не явились 27 лицъ безъ всякихъ законныхъ къ тому оснований. Защита Равича и Лурье ходатайствовала передъ судомъ о признаніи неявики ихъ незаконною и о непримѣнности къ нимъ 2 п. 642 ст. по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) основными началами дѣйствующаго у насъ устава угол. суд. представляются устность и непосредственность воспріятыя судомъ впечатлѣній отъ свидѣтельскихъ показаній, въ виду чего чтеніе таковыхъ допускается только въ исключительныхъ случаяхъ; 2) переводъ дѣла изъ одного судебного округа въ другой, какъ видно изъ нынѣ дѣйствующей 247 ст. уст. уг. суд., установленъ въ интересахъ болѣе тщательнаго соблюденія этихъ началъ, т. е. для слуханія дѣла въ томъ округѣ, гдѣ проживаетъ наибольшее число свидѣтелей или подсудимыхъ; 3) установленный 248 ст. у. у. с. переводъ дѣлъ не имѣетъ вовсе своего цѣлью упраздненія для нихъ главнѣйшихъ гарантій правосудія, предписанныхъ тѣмъ же уставомъ; напротивъ того, преслѣдуемый этою статью переводъ дѣлъ, „въ интересахъ огражденія непристрастія судебного приговора или общественнаго порядка и спокойствія“, обявываетъ къ болѣе строгому соблюденію процессуальныхъ правилъ; 4) по всѣмъ дѣламъ, переводимымъ не по 247, а по 248 ст. уст. угол. судопр., почти всѣ свидѣтели и эксперты проживаютъ въ округѣ возникновенія, а не слуханія дѣла, почему признаніе въ отношеніи ихъ наличности 2 п. 642 ст. должно неминуемо вести къ тому, что все судебное слѣдствіе превратится въ сплошное чтеніе письменныхъ документовъ; 5) ст. 248 у. у. с. не могла, конечно, санкціонировать такую отмѣну основныхъ правилъ уголовного судопроизводства—и въ дѣйствительности мы видимъ, что въ представлении г. министра юстиціи, отъ 19 марта 1885 г., по поводу измѣненія редакціи 248 ст., указывается, что дѣла будутъ переводиться въ мѣстности сосѣднія; если это такъ, то надлежитъ признать, что опасность нарушенія существенныхъ гарантій процесса вполне устраняема, если и судебныя мѣста будутъ соблюдать неукоснительно прямой смыслъ условій примѣненія 2 п. 642 ст. у. у. с.; 6) соединенное присутствіе перваго и кассационныхъ департаментовъ Сената, перевода настоящее дѣло изъ Витебска въ Псковъ, находящійся на линіи желѣзнодорожнаго сообщенія и отстоящій отъ перваго въ 10—12 часахъ ѣзды, тѣмъ самымъ избрано для производства такое мѣсто, въ отношеніи котораго непримѣнимо признаніе „отдаленности“, дѣлающей для витебскихъ свидѣтелей невяку невозможной; 7) всѣ свидѣтели и эксперты по настоящему дѣлу, за исключеніемъ свидѣтеля И. Н. Герарда, проживаютъ въ предѣлахъ витебскаго округа, гдѣ возникло и производилось настоящее дѣло, и многіе уѣзды Псковскаго окружнаго суда находятся въ неизмѣримо большей отдаленности отъ г. Пскова, нежели Витебскъ, почему и въ виду разъясненій Правит. Сената 1885 г. № 28, 1871 г. за № 250 и 1874 г. за № 342, надлежитъ признать, что къ неявившимся безъ законной причины свидѣтелямъ не можетъ быть примѣненъ 2 п. 642 ст. у. у. с. Окружный судъ призналъ, что невяка свидѣтелей, проживающихъ въ округѣ Витебскаго окружнаго суда, закона и соответствуетъ 2 п. 642 ст. Благодаря такому опредѣленію, подсудимые лишлись показаній 35 лицъ, показанія которыхъ признаны самимъ же судомъ существенными для дѣла, и весь процессъ обратился изъ устнаго въ письменный.

Въ заключеніе гг. Мироновъ и Грузенбергъ оставяются на нарушеніяхъ, допущенныхъ въ рѣчи обвинителя, которые могли оказать вліяніе на самый вердиктъ присяжныхъ засѣдателей. Такъ, обвинитель, опѣвивая показаніе свидѣтеля Перельштейна, заявилъ присяжнымъ, что они не должны забывать, что показаніе этого свидѣтеля, по ходатайству его, обвинителя, было завесено въ протоколъ, а когда

прокуроръ проситъ о занесеніи въ протоколъ показанія свидѣтеля, то это значить, что онъ намѣренъ возбудить противъ него преслѣдованіе за ложное показаніе на судѣ.

Конечно, лицу прокурорскаго надзора принадлежитъ право просить о занесеніи того или другаго показанія свидѣтеля въ протоколъ и засимъ, если окажется достаточныя основанія, возбудить противъ этого свидѣтеля преслѣдованіе за лжесвидѣтельство, но нельзя допустить, какъ это разъяснено Сенатомъ въ рѣшеніи 1879 г. № 49, чтобы во время самаго производства дѣла въ судѣ были заявлены прокуроромъ предположенія о возбужденіи судебного преслѣдованія противъ свидѣтеля за даваемое имъ показаніе. Такое заявленіе г. прокуроромъ было сдѣлано, и г. предѣлательствующій, вопреки 611 ст. у. у. с., не остановилъ его.

Требуя обвиненія, г. прокуроръ дозволил себѣ сказать дословно слѣдующее: „Хаймъ Лурье и Герцъ Равичъ презираютъ русской судъ, но вы, гг. присяжные засѣдатели, научите ихъ уваженію къ русскому закону“.

Принимая во вниманіе, что въ Россіи никакого иного суда, кромѣ русскаго, нѣтъ, надлежитъ признать, что такой пріемъ переноситъ обсужденіе участи подсудимыхъ на почву національнаго недружелюбія. Само собою разумѣется, что допускаемая сторонами въ рѣчахъ нарушенія достодолжныхъ судебныхъ приличій должны влечь, не отражаясь на судьбѣ приговора, лишь личную ихъ отвѣтственность. Однако въ тѣхъ случаяхъ, когда неправильныя пріемы судебного засѣданія направлены непосредственно на достиженіе преслѣдуемаго сторонами судебного приговора,—то таковыя должны влечь кассачію приговора (рѣш. 1871 г. за №№ 1234 и 1838), ибо, хотя процессъ есть борьба сторонъ, но борьба на почвѣ закона.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ кассаторы просятъ объ отмѣнѣ приговора Псковскаго окружнаго суда и рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, и о передачѣ дѣла, для новаго разсмотрѣнія, въ другой судъ.

Дѣло слушалось 24 февраля по II отдѣленію уголовного кассационнаго департамента. Предѣлательствовалъ за первопр. сенаторъ С. С. Гончаровъ, докладывалъ сен. В. Н. Варваринъ, заключеніе давалъ товарищъ оберъ-прокурора Н. Г. Мединъ; кассационныя жалобы поддерживали: со стороны Лурье и Равича — прис. пов. В. Н. Герардъ и пом. прис. пов. О. О. Грузенбергъ, со стороны Гуревича—прис. пов. Н. П. Карабчевскій.

Въ общемъ, стороны только развивали доводы, указанные въ кассационной жалобѣ, причемъ В. Н. Герардъ говорилъ о томъ нарушеніи принципа равноправія сторонъ, которое было допущено судомъ въ настоящемъ дѣлѣ, и иллюстрировалъ это положеніе ссылкой на многочисленные отказы суда на всѣ законныя ходатайства подсудимыхъ и ихъ защитниковъ. „Мы привыкли встрѣчать въ судебныхъ бумагахъ одну только правду; между тѣмъ, какимъ-то непонятнымъ образомъ въ донесеніи суда г. министру юстиціи встрѣчается указаніе, что дѣло переносится изъ Витебска въ Псковъ въ виду особенной его важности, такъ какъ поддѣлано векселей на сумму 300 тысячъ рублей. Эта цифра фигурируетъ и въ рапортѣ министра юстиціи, она попала и въ указъ соединеннаго присутствія,—цифра, несомнѣнно, фиктивная, такъ какъ въ самомъ обвинительномъ актѣ говорится о подложныхъ векселяхъ на сумму лишь 37 тысячъ рублей. Предоставляю вамъ, гг. сенаторы, судить о томъ, насколько такое завѣдомое извращеніе дѣйствительности допустимо со стороны чиновъ судебного вѣдомства“.

Товарищъ оберъ-прокурора Мединъ далъ заключеніе объ оставленіи кассационныхъ жалобъ безъ послѣдствій и объ уваженіи кассационнаго протеста.

Выслушавъ пренія сторонъ и заключеніе товарища

оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ объявилъ слѣдующую резолюцію: принимая во вниманіе: 1) что нахожденіе свидѣтеля въ другомъ судебномъ округѣ, за силою 626 и 642 ст. уст. уг. суд., въ такомъ только случаѣ признается законной причиной его неявки, дающей право на прочтеніе его показаній, когда онъ, притомъ, находится въ такомъ дальнемъ разстояніи, что не можетъ безъ особыхъ затрудненій явиться по вызову (1874 г. № 342 и др.); 2) что, между тѣмъ, судъ, несмотря на возраженія защиты, призналъ неявку проживающихъ въ округѣ Витебскаго суда свидѣтелей законною и постановилъ прочесть данныя на предварительномъ слѣдствіи этими свидѣтелями показанія лишь на томъ основаніи, что означенные свидѣтели проживаютъ въ другомъ судебномъ округѣ, и не вошли вовсе въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько явка свидѣтелей въ Псковѣ представлялась для нихъ затруднительной, чѣмъ допустилъ существенное нарушеніе 642 и 662 ст. у. ус.; 3) что указаніе протеста на неправильное примѣненіе судомъ манифестовъ 1894 и 1896 гг. подтверждается приговоромъ суда, изъ котораго видно, что судъ вовсе не приговорилъ подсудимыхъ, согласно § II прил. 2 къ ст. 70 улож. о нак., къ безотлучному пребыванію въ мѣстѣ жительства, и 4) что опредѣленіемъ суда отъ 24 ноября 1898 г. объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей допущено нарушеніе 575 и 576 ст. у. у. с. (1888 г. № 6).—Правительствующій Сенатъ, не входя въ обсужденіе прочихъ доводовъ кассационныхъ жалобъ, опредѣляетъ: рѣшеніе присяжныхъ засѣдателей и приговоръ Псковскаго окружнаго суда по настоящему дѣлу отменить, и дѣло, для новаго разсмотрѣнія, передать въ Смоленскій окружный судъ.

Приговоръ по дѣлу ксендза Бѣлякевича въ окончательной формѣ.

23 февраля въ I отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда, при открытыхъ дверяхъ засѣданія, былъ прочитанъ осужденному Бѣлякевичу приговоръ въ окончательной формѣ слѣдующаго содержанія:

1) Рѣшеніемъ присяжныхъ засѣдателей подсудимый ксендзъ Бѣлякевичъ, признанный виновнымъ, во-первыхъ, въ томъ, что 15 августа 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы Е. М. Бернатовичъ, заключивъ ее, противъ ея воли, въ продолженіе сутокъ подъ заперомъ въ помѣщающей при костелѣ Св. Троицы тѣсной, холодной каморкѣ, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, причемъ нанесъ ей орудіемъ, вродѣ толстой веревки или палки, многочисленныя жестокия, оставившія на тѣлѣ ея полосы, пятна съ кровоподтеками и ссадины, чѣмъ, въ виду продолжительности этихъ мученій, причинилъ лишенію свободы Бернатовичъ тяжелыя физическія и нравственныя страданія.

2) Въ томъ, что 16 августа 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы Ю. Жуковскую, продержавъ ее, противъ ея воли, нѣсколько часовъ въ заключеніи въ темномъ подвалѣ при костелѣ Св. Троицы, затѣмъ въ склепѣ подъ костеломъ, хранящемъ открытыя гробы съ человѣческими скелетами и не истлѣвшими трупами, и, наконецъ, въ темной каморкѣ со столомъ изъ-подъ катафалка и положеннымъ туда, для внушенія суевѣрнаго ужаса, изваяніемъ головы діавола, причемъ Бѣлякевичъ орудіемъ, вродѣ толстой веревки или палки, наносилъ Жуковской на улицѣ и въ склепѣ многократныя жестокия удары, оставившіе на тѣлѣ ея кровоподтечныя полосы, пятна и ссадины, чѣмъ, въ виду продолжительности этихъ мученій и многочисленныя поврежденія, причинилъ лишенію сво-

боды Жуковской тяжкія физическія и нравственныя страданія.

3) Въ томъ, что въ среднихъ числахъ іюля 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы въ продолженіе болѣе недѣли времени К. Семановичъ, наносивъ при этомъ многочисленныя удары орудіемъ, вродѣ ремня или веревки, и заключивъ ее, вопреки ея воли, сначала въ темный склепъ, подъ костеломъ св. Троицы, хранящій открытыя гробы съ человѣческими скелетами и не истлѣвшими трупами, а затѣмъ въ темной каморкѣ, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, причемъ въ теченіе первыхъ полутора сутокъ ее заключенія далъ ей въ пищу лишь кружку воды и кусокъ хлѣба, который она, въ виду сильнаго нравственнаго потрясенія, ѣсть не могла, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Семановичъ продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія.

4) Въ томъ, что въ мартѣ 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы С. Бурнейко съ 6-ти час. утра до 5-ти час. вечера, также точно заключивъ его, вопреки его воли, въ запертое темное подземелье, помѣщающійся при костелѣ св. Троицы подвалѣ, при недостаточной во время такого содержанія пищѣ и питъѣ, и причинилъ таковыми жестокими дѣйствіями лишенію свободы Бурнейко сильныя физическія и нравственныя мученія.

5) Въ томъ, что въ августѣ 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы П. Романовскую, заключивъ ее, вопреки ея воли, въ помѣщающемся во дворѣ при костелѣ св. Троицы запертомъ сараѣ на нѣсколько часовъ, причемъ грозилъ ей „разложить ее и наказать“ и держать всю ночь, если она не войдетъ въ сарай, каковыми жестокими дѣйствіями, въ связи съ недостаточностью одежды у заключенной Романовской въ сырую и холодную погоду, причинилъ ей продолжительныя и тяжкія физическія и нравственныя мученія.

6) Въ томъ, что въ іюнѣ 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы А. Айкевича, заключивъ его, вопреки его воли, на нѣсколько часовъ сначала въ запертомъ сараѣ для дровъ, — причемъ Айкевичъ плакалъ, говоря, что „теперь отъ страха повѣсится“, лишь послѣ чего, по приказанію Бѣлякевича, онъ былъ переведенъ и заключенъ въ находящійся при костелѣ погребъ съ пустыми гробами, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Айкевичу продолжительныя и тяжкія физическія и нравственныя мученія.

7) Въ томъ, что 6 августа 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы на время отъ 1 часу дня 6 августа до 7 ч. вечера 7 августа А. Мацкойтиса, заключивъ его, противъ его воли, въ помѣщающуюся при костелѣ Св. Троицы запертую каморку, въ которой находился столъ изъ-подъ катафалка, давъ ему во время заключенія кусокъ чернаго хлѣба и воды, каковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Мацкойтису продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія.

8) Въ томъ, что въ началѣ августа 1898 г. въ Ковно самовольно и насильственно лишилъ свободы въ продолженіе семи дней И. Ненартовичъ, заключивъ ее, вопреки ея воли, въ темный склепъ подъ костеломъ Св. Троицы, хранящій открытыя гробы съ человѣческими костями и не истлѣвшими трупами, а затѣмъ, заперевъ въ темную каморку, гдѣ находился столъ изъ-подъ катафалка, причемъ во время заключенія давалъ ей только воду и хлѣбъ. Таковыми жестокими дѣйствіями Бѣлякевичъ причинилъ Ненартовичъ продолжительныя и тяжелыя физическія и нравственныя мученія. При этомъ присяжные засѣдатели признали Бѣлякевича заслуживающимъ снисхожденія по обвиненіямъ, изложеннымъ въ пунктахъ 3, 4, 6 и 8 настоящаго приговора.

Обращаясь къ опредѣленію послѣдствій этого рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, окружный судъ находитъ: 1) что подсудимый Бѣлякевичъ признанъ виновнымъ присяжными засѣдателями въ 8 случаяхъ самовольнаго лишенія свободы, сопровождавшихся истязаніями и мученіями, въ коихъ по 5 случаевъ, по отношенію потерпѣвшихъ Семановичъ, Бурлейко, Айковичъ, Мацкойтиса и Ненартовичъ, онъ признанъ заслуживающимъ снисхожденія; 2) что каждое изъ приведенныхъ преступныхъ дѣяній Бѣлякевича, предусмотрѣнныхъ 1542 ст. улож., подвергаетъ виновныхъ одному изъ наказаній, указанныхъ въ 1480 ст. ул., а именно по 1, 2 и 3 степ. 31 ст. того же улож.; 3) что, руководствуясь 149 ст., въ виду важности обстоятельствъ, сопровождавшихъ преступленія Бѣлякевича, который при лишеніи разнообразными способами прихожанъ своихъ свободы, подвергалъ ихъ мученіямъ физическимъ и нравственнымъ, въ обстановкѣ особо расчитанной не только на причиненіе наибольшаго страданія, вообще, и на униженіе ихъ человѣческихъ личностей, въ связи съ угнетающимъ дѣйствіемъ оковъ заключенія на потерпѣвшихъ, которыхъ ксендзъ Бѣлякевичъ зналъ за людей вѣрующихъ и поддающихся авторитету его, какъ духовнаго лица, заставляя испытывать своими приемами ощущенія ужаса смерти и загробныхъ мученій—подлежитъ избрать изъ указанныхъ наказаній, какъ нормальное, опредѣленное во 2 степ. 31 ст. ул.; 4) что наказаніе это по отношенію къ пяти выше приведеннымъ случаямъ, по которымъ Бѣлякевичу, въ виду указанныхъ въ предыдущемъ пунктѣ соображеній, дано снисхожденіе, справедливо на основаніи 828 ст. уст. уг. суд., понизить это только на одну степень и опредѣлить таковое по 3 степ. той же 31 ст. ул.; 5) что, такимъ образомъ, и на основаніи прим. 2 къ ст. 70 ул., подсудимый Бѣлякевичъ, какъ священнослужитель, изъять отъ тѣлеснаго наказанія, по правамъ состоянія подлежить за каждый изъ трехъ случаевъ незаконнаго лишенія свободы, сопровождавшихся истязаніями и мученіями, по которымъ ему снисхожденія не дано,—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Иркутскую губ., съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ продолженіе 2 лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе отъ 8 до 10 лѣтъ, и за каждый изъ 5 случаевъ незаконнаго лишенія свободы, по которымъ ему дано снисхожденіе,—лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Тобольскую губ., съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ продолженіе отъ 1 года до 2 лѣтъ и выѣзда затѣмъ въ другія губерніи и области Сибири въ теченіе отъ 4 до 6 лѣтъ; 6) что, принимая во вниманіе проявляемое ксендомъ Бѣлякевичемъ въ его дѣйствіяхъ легкомысліе и невѣжество, а также учиненное признаніе, хотя и неполное, своей вины, справедливо остановиться при выборѣ упомянутыхъ сроковъ на наименьшихъ срокахъ и запрещеній отлучекъ выѣзда, установленныхъ во 2 и 3 степ. 31 ст. и въ замѣняющихъ ихъ временныхъ правилахъ (прим. 2 къ ст. 70 § 2); 7) что, на основаніи 152 ст. ул. и. по совокупности преступленій, ксендзъ Бѣлякевичъ подлежить одному строжайшему изъ приведенныхъ наказаній, т. е. ссылкѣ на житье въ Иркутскую губ.; 8) что, на основаніи 1 п. 945 ст. уг. суд., настоящій приговоръ, по вѣтупленіи его въ законную силу, но прежде обращенія къ исполненію, подлежитъ представленію чрезъ министра юстиціи на Высочайшее Его Императорскаго Величества усмотрѣніе. Поэтому окружный судъ постановилъ подсудимаго Бѣлякевича, 26 лѣтъ, лишить всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію приобретенныхъ правъ и преимуществъ и сослать его на житье въ Иркутскую губ., съ воспрещеніемъ всякой отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства,

въ теченіе 2 лѣтъ и выѣзда въ другія губерніи и области Сибири въ продолженіе 8 лѣтъ.

Хроника

По слухамъ, проектъ новаго таможеннаго устава вносится на этихъ дняхъ въ Государственный Советъ. При составленіи проекта были приняты во вниманіе мнѣнія биржевыхъ комитетовъ. Взысканія за нарушенія там. устава сильно уменьшены.

На дняхъ опубликованъ циркуляръ министра финансовъ о дополненіи правилъ 20 сентября 1897 г. о продолжительности и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Дополненіе это вызвано неоднократно возникшими на практикѣ недоразумѣніями при примѣненіи ст. 10 этихъ правилъ въ заведеніяхъ съ непрерывнымъ производствомъ и принадлежащихъ лицамъ нехристіанскихъ исповѣданій.

Циркуляромъ постановлено, что въ число четырехъ полныхъ сутокъ, которыя предоставляются замѣнить воскресныхъ и праздничныхъ дней для отдыха рабочимъ, занятымъ въ производствахъ, признанныхъ непрерывными, не могутъ быть засчитываемы для рабочихъ христіанъ тѣ дни, въ кои, по случаю нехристіанскихъ праздниковъ, происходитъ приостановка работъ въ заведеніяхъ, принадлежащихъ лицамъ нехристіанскихъ исповѣданій.

Проектомъ новаго положенія о порядкѣ взиманія окладныхъ сборовъ съ надѣльныхъ земель сельскихъ обществъ имѣется въ виду установить правило, въ силу котораго отъ усмотрѣнія сельскаго схода будетъ зависеть принятіе въ основаніе раскладки окладныхъ сборовъ не только размѣръ, качество почвы и удобство расположенія участковъ общественаго застѣва, находящихся во владѣніи отдѣльныхъ домохозяевъ, но также и признаки рабочей силы двора, его платежной способности, какъ-то: число работниковъ, количество рабочаго скота, число лицъ, уходящихъ на заработки, выгодность ихъ промысловъ и т. п. При этомъ цѣнность и доходность принадлежащаго отдѣльнымъ крестьянамъ недвижимаго имущества, не входящаго въ составъ надѣла, а также цѣнность принадлежащаго къ этому имуществу инвентаря не должны быть принимаемы въ соображеніе при раскладкѣ государственныхъ и земскихъ сборовъ.

Равнымъ образомъ, при опредѣленіи оклада съ отдѣльныхъ домохозяевъ, сельскому сходу предложено предоставить право понижать платежи тѣхъ домохозяевъ, которые, влѣдствіе неблагоприятныхъ хозяйственныхъ условий, не въ состояніи уплатить съ нихъ сборовъ или даже совсѣмъ освободить ихъ отъ платежа. Сложная сумма должна быть разверстана между остальными домохозяевами на вышензложенныхъ основаніяхъ.

Проектом новаго положенія о податныхъ инспекторахъ установлены правила, опредѣляющія участіе податныхъ инспекторовъ въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Согласно этимъ правиламъ податные инспекторы, участки коихъ не ограничиваются предѣлами городовъ, состоятъ членами: а) административнаго присутствія, уѣзднаго съѣзда, присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, съѣзда мировыхъ посредниковъ или иного, соответствующаго имъ, учрежденія въ уѣздѣ, и б) уѣзднаго распорядительнаго комитета въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія. Въ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, податные инспекторы входятъ въ составъ уѣздныхъ оцѣночныхъ комиссій на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденнхъ 8 июня 1893 г. правилахъ объ оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для обложенія ихъ земскими сборами.

Въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, податные инспекторы входятъ въ составъ уѣздныхъ комиссій, учреждаемыхъ для оцѣнки земель, а также фабричныхъ и заводскихъ помѣщеній, облагаемыхъ сборами на земскія повинности, причемъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не существуетъ уѣздныхъ предводителей дворянства, податные инспекторы состоятъ председателями означенныхъ комиссій. Далѣе, податные инспекторы входятъ въ составъ комиссій для оцѣнки недвижимыхъ имуществъ, отчуждаемыхъ для пользы общественной или государственной.

Въ мѣстностяхъ же Туркестанскаго края, гдѣ не закончено устройство поземельно-податной части, податные инспекторы состоятъ членами поземельно-податныхъ комиссій.

Кіевскій корреспондентъ „Рижск. Вѣстн.“ рассказываетъ, что **мѣстный полиціимейстеръ переодѣлся оборванцемъ**, загримировался до неузнаваемости и, захвативъ самоваръ, отправился ночью странствовать по городу. Результатомъ этого обхода явилось убѣжденіе въ томъ, что городовые ночью не дремлютъ, потому что около каждаго поста переодѣтаго полиціимейстера задерживалъ постовой городовый и предлагалъ ему слѣдовать въ участокъ для выясненія его личности и законности пріобрѣтенія самовара. Однако послѣ того, какъ мнимый воръ сунулъ городовому въ руку рубль, блюститель порядка отпустилъ его съ миромъ на всѣ четыре стороны. Та же исторія повторялась около каждаго полицейскаго поста, мимо которыхъ приходилось проходить полиціимейстеру. Наконецъ переодѣтый начальникъ набрелъ на неподкупнаго городового, который, несмотря на всѣ его просьбы, не согласился отпустить бродягу, не принявъ отъ него взятки и потащилъ въ участокъ.

Здѣсь сонный полиційскій надзиратель приказалъ безъ всякихъ допросовъ посадить приведеннаго въ кутузку, несмотря на протесты неузнаннаго полиціимейстера, увѣрявшаго надзирателя, что самоваръ составляетъ его собственность и что по закону нельзя сажать въ кутузку, не разобравъ дѣла и не выслушавъ объясненій заподозрѣннаго. Околодочный надзиратель грозно прикрикнулъ на него, разсердившись, что какой-то бродяга осмѣливается напоминать ему о законѣ.

Тогда бродяга сорвалъ парикъ, накладную бороду, и передъ глазами удивленнаго и испуганнаго околодочнаго надзирателя предсталъ грозный начальникъ, вышедшій изъ своей ночной прогулки весьма грустное впечатлѣніе относительно пригодности своихъ подчиненныхъ къ исполненію трудныхъ обязанностей, возложенныхъ по закону на полицію.

На-дняхъ въ Одесской судебной палатѣ слушалось въ апелляціонномъ порядкѣ **дѣло по обвиненію ямпольскаго казеннаго раввина, врача Х. Вайнштейна**, въ оскорбленіи судебного слѣдователя.

27 февраля прошлаго года г. Вайнштейнъ получилъ отношеніе судебного слѣдователя съ требованіемъ представить копію метрической выписки нѣкоего Зингермана.

Въ отвѣтъ на это г. Вайнштейнъ послалъ слѣдователю письмо, въ которомъ указалъ, что тонъ его отношенія является слишкомъ „фамильярнымъ“, „безцеремоннымъ“, въ виду чего рекомендовалъ ему на будущее время, „во избѣжаніе могущихъ произойти недоразумѣній, соблюдать элементарныя правила вѣжливости“.

Какъ оказалось, г. Вайнштейнъ увидѣлъ личное оскорбленіе для себя въ томъ обстоятельстве, что судебный слѣдователь, обращаясь къ нему, титуловалъ его просто „казеннымъ раввиномъ“, и не употреблялъ при этомъ словъ: „господинъ“ и „милостивый государь“.

Каменецъ-подольскій окружный судъ приговорилъ его къ трехмѣсячному аресту.

Г. Вайнштейнъ перенесъ дѣло въ Одесскую судебную палату. Ходатайствуя объ уменьшеніи наказанія, присяжный повѣренный Л. Куперникъ указывалъ, что чрезмѣрно строгій приговоръ суда, помимо устраненія отъ должности раввина, неминуемо отразится также и на его врачебной практикѣ.

Палата постановила: подвергнуть г. Вайнштейна трехнедѣльному аресту.

Съ приведеннымъ рѣшеніемъ любопытно сопоставить, что волостными правленіями получены **слѣдующій циркуляръ предсѣдателя Таганрогскаго окружнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія**:

„Мною замѣчено, что волостные писаря и другія должностныя лица крестьянскаго управленія позволяютъ себѣ обращаться къ непремѣннымъ членамъ крестьянскаго присутствія, называя ихъ по имени и отчеству. Признавая таковое обращеніе несоответствующимъ подчиненному положенію ихъ, предписываю волостнымъ правленіямъ таганрогскаго округа объявить всѣмъ лицамъ волостнаго и сельскаго управленія, чтобы, обращаясь къ непремѣннымъ членамъ, называли ихъ или по должности „господинъ непремѣнный членъ“, или титуловали ихъ по 6 классу занимаемой должности—„ваше высокоблагородіе“. („Приаз. Кр.“).

18 февраля, въ г. Тамбовѣ, особое присутствіе Саратовской судебной палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей, разсматривало дѣло о злоупотребленіяхъ администраціи въ козловской тюрьмѣ. Въ качествѣ обвиняемыхъ предъ палатой предстали: быв-

шій начальник козловской тюрьмы Петръ Теофилактъ Петровъ и нѣсколько надзирателей тюрьмы.

Настоящее дѣло возникло вслѣдствіе арестантскихъ безпорядковъ, возникшихъ въ козловской тюрьмѣ 29 января 1896 г. на почвѣ недовольства, вызваннаго насильственными дѣйствіями служащихъ въ тюрьмѣ и различными ихъ злоупотребленіями по отношенію къ заключеннымъ. На судѣ обвиняемые не признали себя виновными и объясняли недовольство арестантовъ ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей. При этомъ бывший начальникъ тюрьмы П. Петровъ объяснилъ, что онъ былъ переведенъ изъ лебедянской тюрьмы въ козловскую по личному предложенію бывшаго тамбовскаго губернатора, барона Рокасовскаго, который поручилъ ему водворить порядокъ въ козловской тюрьмѣ, отличавшейся до того распущенностью арестантовъ. Петровъ перевелъ съ собою изъ Лебедяни въ числѣ прочихъ извѣстнаго ему, какъ ревностнаго служака, надзирателя Мосальскаго. Новые порядки, введенные ими въ тюрьмѣ и выразившіеся въ усиленіи дисциплины, вызвали противъ ихъ озлобленіе арестантовъ, результатомъ котораго и явились взводимыя на него обвиненія. Въ этомъ-же смыслѣ дали свои объясненія и прочіе подсудимые. Изъ показаній арестантовъ на судебномъ слѣдствіи, а также изъ оглашенныхъ въ засѣданіи предварительнаго слѣдствія, выяснилось, что Петровъ показывался въ тюрьмѣ очень рѣдко, а фактическимъ ея хозяиномъ являлся старшій надзиратель Петръ Мосальскій, который собственной властью подвергалъ арестантовъ различнымъ взысканіямъ за сравнительно маловажные проступки; напримѣръ, за несаніе шапки предъ надзирателемъ арестанты подвергались заключенію въ „шивную“ (подвальное помѣщеніе, игравшее роль карцера, и названное такъ потому, что выходившіе оттуда арестанты шатались, какъ пьяные). Побывавшіе въ „шивной“ арестанты показали на судѣ, что ночью туда являлись надзиратели Мосальскій, Ходуновъ, Гордуковъ и Москвичевъ и наносили заключеннымъ побои кулаками, ногами, ключами, таскали за волосы, бросали объ асфальтовый полъ и т. п. Особеннымъ истязаніямъ подвергся арестантъ Иванъ Кирсановъ, крики котораго во время истязанія: „помогите, караулъ“, черезъ окна доносились до арестантовъ, сидѣвшихъ въ камерѣ верхняго этажа. Возвратясь въ общую камеру на 4-й день послѣ побоевъ, Кирсановъ показывалъ товарищамъ рану на лѣвой рукѣ, нанесенную, по его словамъ, пашкою Мосальскимъ; рубашка Кирсанова была вся залита кровью. Изъ судебно-медицинскаго освидѣтельствованія, произведеннаго черезъ 2 года послѣ побоевъ, видно, что рана на лѣвой рукѣ Кирсанова была нанесена рѣжущимъ оружіемъ. Арестанты заявили о побояхъ тюремному врачу С. В. Систову, но, по словамъ одного изъ арестантовъ, тотъ отвѣтилъ ему: „собакѣ собачья и честь“. Начальникъ тюрьмы, котораго арестанты могли видѣть лишь въ конторѣ, не принималъ никакихъ жалобъ на надзирателей; его помощникъ отвѣчалъ арестантамъ, что онъ ничего для нихъ сдѣлать не можетъ; товарища прокурора и другихъ ревизующихъ лицъ арестанты видѣли лишь мелькомъ и не имѣли возможности принести имъ жалобы. Да и всякія попытки жаловаться имѣли своимъ прямымъ послѣдствіемъ заклю-

ченіе въ „темную“ и усиленные побои. Мосальскій прямо говорилъ арестантамъ, что онъ для нихъ „и царь, и Богъ, что захочу, то съ вами и сдѣлаю: захочу—накажу, захочу—помилю“. Изъ оглашенныхъ на судѣ документовъ видно, что арестантъ Придорогинъ, по предложенію тогдашняго тамбовскаго губернатора барона Рокасовскаго, былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію „за неосновательныя жалобы на начальника тюрьмы и старшаго надзирателя“.

Арестанты употреблялись начальникомъ тюрьмы на различныя домашнія работы, безъ всякаго съ его стороны вознагражденія. Между прочимъ, Мосальскій заставлялъ арестантовъ выносить изъ бани мыльную воду изъ подъ ванны (которой пользовалась надзирательница—свояченица Петрова) въ тѣхъ же самыхъ ушатахъ, какими носилась и чистая вода для варки арестантской пищи. На просьбы арестантовъ отдѣлать для чистой воды особые ушаты Мосальскій отвѣчалъ плуменіемъ: „захочу, такъ будете тѣми же ушатами и нечистоты выносить“. Мосальскій являлся полнымъ хозяиномъ и всѣхъ жертвуемыхъ въ пользу арестантовъ съѣстныхъ припасовъ, и значительная ихъ часть не попадала по назначенію.

Показанія арестантовъ, въ общемъ, подтверждаются свидѣтельствомъ тюремнаго фельдшера Сынова, который неоднократно слышалъ отъ арестантовъ жалобы на побои и видѣлъ синяки и другіе слѣды таковыхъ; арестанты жаловались и на злоупотребленія Мосальскаго относительно пожертвованій. Директоръ тюремнаго комитета купецъ Блжкинъ, съ своей стороны, показалъ, что арестанты жаловались ему на дурное обращеніе и плохую пищу, и что бывали случаи, когда, благодаря его вмѣшательству, Мосальскій возвращалъ арестантамъ присвоенную имъ живность. Псаломщикъ тюремной церкви Херувимовъ показалъ, что онъ былъ свидѣтелемъ побоевъ, наносимыхъ однимъ изъ надзирателей въ присутствіи священника арестанту.

Изъ показаній этихъ же свидѣтелей, а также тюремнаго врача и бывшаго помощника начальника тюрьмы выяснилось, что Петровъ пользовался услугами надзирателей: Ходунова,—въ качествѣ письмоводителя, и Москвичева—въ качествѣ кучера. Подтвердилось также, что свояченица Петрова, занимающая должность надзирательницы женскаго отдѣленія, жила въ квартирѣ начальника тюрьмы, а обязанности надзирательницы исполняла жена привратника Москвичева.

Судебная палата оправдала надзирателя Гордукова; Петрова признала виновнымъ по 341 ст. въ бездѣйствіи и превышеніи власти, и приговорила къ отрѣшенію отъ должности; старшій надзиратель Мосальскій присужденъ къ тюремному заключенію до 8 мѣсяцевъ и надзиратели Москвичевъ и Ходуновъ къ аресту.

Въ № 25 „Собранія узаконеній и распоряженій правительства“ (отъ 23 февраля 1899 г.) опубликовано **постановленіе министра путей сообщенія** о дополненіи правилъ о ерокахъ доставки грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ. Перевозка считается исполненною: а) Для грузовъ, выгружаемыхъ средствами желѣзной дороги въ станціонныя помѣщенія,—со времени выгрузки прибывшаго груза. б) Для грузовъ, выгружаемыхъ средствами желѣзной дороги въ помѣщенія, склады

и т. п., принадлежашіе товарополучателямъ (безразлично, будутъ-ли таковыя находиться въ предѣлахъ, или за предѣлами станцій), а равно для грузовъ, выгружаемыхъ средствами самихъ получателей,—со времени подачи вагона подъ выгрузку, причемъ въ обоихъ указанныхъ случаяхъ (пп. а и б) какъ время выгрузки, такъ равно и время подачи вагона должны быть удостоверяемы наложеніемъ на оборотной сторонѣ накладной (въ установленномъ для того мѣстѣ) штемпеля станціи назначенія, обозначающаго день, мѣсяцъ и годъ, или же—пропискою этихъ свѣдѣній отъ руки, съ удостовереніемъ такихъ рукописныхъ отбѣтокъ станціоннымъ штемпелемъ; если въ теченіе 12 час. послѣ вывѣшенія объявленія о прибытіи груза (ст. 79 общ. уст. росс. ж. дорогъ) вагонъ не будетъ поданъ для разгрузки по обстоятельствамъ, зависящимъ отъ получателя, напр. вслѣдствіе неявки послѣдняго для уплаты причитающихся дорогѣ денегъ и т. п., то съ истеченіемъ означеннаго двѣнадцатичасоваго срока перевозка считается исполненною; в) Для хлѣбныхъ грузовъ, прибывающихъ въ сѣвную на пограничныя станціи Александрово, Сосновицы и Граница варшавско-вѣнской ж. дороги,—по истеченіи 12 часовъ со времени вывѣшенія объявленій, указанныхъ въ статьѣ 79 общаго устава, о прибывшихъ грузахъ.

Въ Цивильской сессіи Казанскаго окружнаго суда, бывшей на-дняхъ въ г. Цивильскѣ, были разсмотрѣны безъ участія присяжныхъ засѣдателей нѣсколько дѣлъ по обвиненію въ преступленіяхъ должности.

Такъ, обвинялись сотскіе деревни Старые-Урмары (Арабосинской вол., Цив. у.) Иванъ Яковлевъ и Федоръ Тимофеевъ въ томъ, что они, производя дознание въ августѣ 1898 года о зашибленной кѣмъ то свиньѣ, принадлежащей кр. Григорьеву, нанесли ему побои кулаками.

Въ другомъ случаѣ сотскій дер. Сунчелевой (Ново-Ковалинской вол., Цив. у.) Гайнутинъ Виктемировъ, объявляя на сельской сходкѣ въ маѣ 1898 г. о запрещеніи курить на улицѣ въ видахъ предотвращенія пожара, набросился съ площадной бранью на кр. Фатыка Халикова, сына котораго онъ наканунѣ вечеромъ замятилъ курящимъ на улицѣ, а увидѣвъ самого виновника, онъ ударилъ его сперва палкой, а потомъ еще нѣсколько разъ кулакомъ по лѣвому уху настолько внушительно, что изъ уха потекла кровь.

Въ деревнѣ Молкеевой былъ оскорбленъ дѣйствіемъ полицейскимъ десятекимъ Максимовымъ пожарный староста Аполлонъ Журавлевъ за то, что у него на пожарѣ въ этой деревнѣ, 10 апрѣля 1898 г., былъ въ неисправности пожарный инструментъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ виновные были приговорены къ аресту на 4 дня („Волжск. В.“).

Въ Мамадышской сессіи Казанскаго окружнаго суда, бывшей на-дняхъ, разсмотрѣно было съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей дѣло по обвиненію крестьянина дер. Усалея, Нижне-Сунской вол. (Мамадыш. у.), Хисметуллина въ причиненіи смертельныхъ поврежденій крестьянину ододеревенцу Мухтарову ударомъ палки по головѣ. Интереснымъ въ этомъ дѣлѣ представляется то, что судомъ была пригнана 818 ст. уст. уг. суд.

Обстоятельства дѣла таковы. 12 ноября 1898 г. въ публичномъ домѣ въ г. Мамадышѣ кутили нѣсколько человекъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ былъ Мухтаровъ, Хисметуллинъ, Фахрутдиновъ. Мухтаровъ, сильно пьяный, привязывался къ Хисметуллину, дожидаясь, чтобы онъ ушелъ. Спусти нѣкоторое время Мухтаровъ, наконецъ, вышелъ на дворъ и легъ тамъ въ сани. Черезъ нѣкоторое время на дворъ вышелъ Хисметуллинъ и, увидавъ въ саняхъ Мухтарова, сталъ ему по головѣ наносить удары кулаками. Фахрутдиновъ вступился за Мухтарова, оттолкнулъ Хисметуллина и, вставъ по лѣвую сторону саней, взялъ Мухтарова въ охапку и приподнял его. Въ это время Хисметуллинъ, схвативъ бывший во дворѣ тяжелый, длиною въ 4 аршина 14 верш. и въ два вершка въ діаметрѣ, рычагъ (бастрингъ) подошелъ съ правой стороны саней и ударилъ имъ Фахрутдинова такъ сильно, что Фахрутдиновъ отъ боли и испуга не замѣтилъ, какъ попалъ этотъ же ударъ и въ голову бывшего у него на рукахъ Мухтарова. Но другіе свидѣтели видѣли, что ударъ именно пришелся по головѣ Мухтарова. Хисметуллина схватили и вытолкнули на улицу. Вскорѣ Фахрутдиновъ вывѣхалъ съ лежащимъ въ саняхъ Мухтаровымъ, которому еще было начать наносить побои по головѣ увидавшей сани на улицѣ Хисметуллинъ, но былъ удержанъ отъ дальнѣйшихъ побоевъ Фахрутдиновымъ. Въ заключеніе Хисметуллинъ сталъ просить Фахрутдинова довезти его до постоялаго двора, на что послѣдній согласился.

Предъ дворомъ Иблиминова Фахрутдиновъ остановился, вытаскилъ недержавшагося на ногахъ Мухтарова и оставилъ его на улицѣ вмѣстѣ съ Хисметуллиннымъ.

Вскорѣ Хисметуллинъ возвратился кутить въ прежнее мѣсто. Около девяти часовъ вечера Иблиминовъ нашелъ Мухтарова у своего двора въ безсознательномъ состояніи. Мухтаровъ былъ увезенъ въ больницу и къ утру на другой день умеръ.

Вскрытіемъ установлена была смерть отъ поврежденій мозговыхъ оболочекъ и разрушенія передней части мозгового вещества вслѣдствіе нанесенныхъ ударовъ. Потерявшій во время нанесенія ударовъ былъ пьянъ, лежалъ и не защищался.

На судѣ Хисметуллинъ не призналъ себя виновнымъ и объяснилъ, что ничего не помнитъ.

Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, но судъ въ данномъ дѣлѣ примѣнилъ, какъ выше сказано, 818 ст. уст. уг. суд., т. е., признавая, что рѣшеніемъ прис. засѣд. осужденъ невинный, постановилъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава.

(„Вол. Вѣстн.“).

Земствами Херсонской губерніи возбуждено ходатайство объ измѣненіи сроковъ службы по земскимъ выборамъ въ связи съ измѣненіями 14, 15 и 123 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мотивомъ къ такому ходатайству послужило то соображеніе, что при существующемъ порядкѣ избранія бывають случаи, когда вся управа обновляется вновь, при чемъ изъ прежняго состава никто не оказывается избранъ на новое трехлѣтіе, почему новыя лица бывають поставлены по многимъ предметамъ вѣдѣнія земскаго хозяйства въ крайне затруднительное положеніе. Но, независимо отъ этого, самый срокъ выборовъ земскихъ гласныхъ

через три года является вообще кратковременнымъ. Руководствуясь такого рода соображениями, земскія собранія Херсонской губерні высказались за установленіе выборовъ въ гласные черезъ каждые четыре года, на срокъ 4-хъ лѣтъ, причемъ срокъ службы на выборныхъ должностяхъ также долженъ быть четырехлѣтній, съ тѣмъ, чтобы черезъ каждые два года два члена земской управы выбывали по очереди; на освобождающіяся такимъ путемъ должности могутъ быть вновь избираемы выбывшія изъ оныхъ лица.

Нѣкоторыми изъ земствъ было возбуждено **ходатайство о расширеніи ихъ правъ по изданію обязательныхъ постановленій** касательно найма извозчиковъ и объ обложеніи извознаго промысла у желѣзнодорожныхъ станцій налогомъ въ пользу земства. Такое ходатайство своевременно было министерствомъ внутреннихъ дѣлъ передано на предварительное заключеніе какъ уѣздныхъ, такъ и губернскихъ земствъ. Изъ поступившихъ нынѣ по означенному вопросу заключеній земскихъ собраній видно, что нѣкоторыя изъ нихъ коснулись его разрѣшенія не только въ смыслѣ чисто практическихъ послѣдствій, но и указали на ту общую организацию контроля за исполненіемъ установленной таксы, какой долженъ быть включенъ въ соотвѣтственные отдѣлы нынѣ дѣйствующаго положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно полнымъ и крайне обстоятельнымъ представляется отзывъ Вѣльскаго уѣзднаго земства, Смоленской губерніи, признававшего въ принципѣ существенно необходимымъ дарованіе земствамъ общаго права регулированія извознаго промысла въ расположенныхъ въ городскихъ поселеніяхъ желѣзнодорожныхъ станцій, причемъ то же собраніе признало, что этимъ правомъ цѣлесообразнѣе пользоваться уѣзднымъ, а не губернскимъ земствамъ.

Что же касается до надзора за точнымъ исполненіемъ таксы, выработанной земствомъ для урегулированія извознаго промысла, то этотъ послѣдній долженъ быть, по мнѣнію земскаго собранія, предоставленъ чинамъ желѣзнодорожной полиціи и начальникамъ станцій, причемъ имъ должно быть предоставлено и право привлекать извозопромышленниковъ за нарушеніе таксы

въ первый разъ по 29 ст. уст. о нак. налаг. мир. суд., а во второй—путемъ лишенія виновныхъ права впредь заниматься извозомъ со станцій.

Какъ извѣстно, въ цѣляхъ предоставленія земствамъ возможности принять мѣры къ **матеріальному обезпеченію лицъ, находящихся на службѣ въ земскихъ учрежденіяхъ**, въ 1883 г. были установлены главныя основанія для учрежденій земскихъ эмеритальныхъ кассъ. Вслѣдъ за изданіемъ этихъ эмеритальныхъ кассъ. Вслѣдъ за изданіемъ этихъ эмеритальныхъ кассъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ стали поступать отъ различныхъ земствъ ходатайства объ измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій закона 5 апрѣля 1883 г. Около половины всѣхъ земствъ ходатайствовало о допущеніи устройства кассъ или съ согласія лишь большинства, но не всѣхъ уѣздныхъ земствъ, или съ разрѣшенія лишь одного губернскаго земства; другія признавали полезнымъ привлечь къ участию въ кассахъ лицъ, служащихъ по выборамъ, и, наконецъ, нѣкоторыя изъ земскихъ собраній обратили особенное вниманіе на неудобства, вытекающія изъ налагаемой закономъ 1883 г. ответственности земствъ за результаты операций эмеритальныхъ кассъ и на неопредѣленность упадающихъ на земства обязательствъ, не поддающихся никакому предварительному подсчету.

При составленіи новаго проекта положенія, нынѣ внесеннаго на уваженіе Государственнаго Совѣта, всѣ эти ходатайства земствъ были приняты во вниманіе, причемъ проектъ этотъ былъ предварительно въ истекшемъ 1897 году передаваемъ на обсужденіе губернскихъ земствъ и губернскихъ город. думъ. По отзывамъ земствъ и городскихъ думъ, обсуждавшихъ проектъ новаго положенія о пенсіонныхъ кассахъ, этотъ послѣдній вполнѣ соотвѣтствуетъ интересамъ земствъ и городовъ, причемъ нѣкоторыми изъ нихъ были сдѣланы лишь незначительныя замѣчанія на отдѣльныя статьи проекта. Такъ, земскія собранія (Нижегородское, Таврическое, Екатеринославское и Саратовское) высказались противъ предположеній министерства измѣнить техническую организацию кассъ и т. п. Думы же Новгородская, Нижегородская и Саратовская высказались противъ распространенія на нихъ дѣйствія новаго положенія.

Судебная и судебно-административная практика.

Первое общее собраніе Прав. Сената.

Право земскихъ учреждений отсрочивать и разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ.

Министерство вн. дѣлъ препроводило въ министерство фин. представленіе Тверскаго губернатора по вопросу о томъ, имѣютъ-ли право земскія учрежденія разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ, и, если имѣютъ, то кому это право принадлежитъ — земскимъ-ли только собраніямъ или также управамъ, и, съ своей стороны, находило, что предоставленіе земскимъ учрежденіямъ такого права не оправдывается ни дѣйствующимъ закономъ, ни соображеніями практическаго свойства. Министерство фин., по разсмотрѣніи этого дѣла, отозвалось, что, хотя ни въ положеніи о зем. учр. 1864 г., ни во врем. прав. по дѣл. о зем. пов. не

упомянуто о правѣ земскихъ собраній и управъ давать отсрочки и разсрочки по платежу земскихъ сборовъ, но въ виду разъясненія Пр. Сената, распубликованнаго въ циркулярѣ хозяйств. д. отъ 13 іюля 1884 г. за № 4418, коимъ за земскими учрежденіями въ исключительныхъ случаяхъ признано право отсрочки земскихъ сборовъ, установилась земская практика предоставленія плательщикамъ временныхъ льготъ по платежу оныхъ. Эта практика сохранила свою силу и при дѣйствіи новаго положенія о губерн. и уѣздн. земск. учр. (12 іюня 1890 г.), какъ потому, что временныя правила, до коихъ собственно относилось вышеприведенное сенатское разъясненіе, осталось безъ измѣненія, такъ и потому, что, въ силу ст. 10 врем. прав., земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ гораздо большее право освобождать вовсе отъ земскаго обложенія имущества, не изъятія отъ него по закону. Не усматривая, поэтому, повода

къ измѣненію существующаго порядка, министерство финансовъ полагало, вмѣстѣ съ тѣмъ, что хотя земскія управы не должны бы въ этомъ отношеніи дѣйствовать самостоятельно, ибо назначеніе и раскладка сборовъ предоставлены собраніямъ, но въ виду того, что послѣднія собираются лишь разъ въ годъ и на короткое время, слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразною установившуюся земскую практику, по которой не собранія, а управы предоставляютъ упомянутыя льготы въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, коими онѣ облечены земскими собраніями. По поводу этого заключенія министръ вв. д. увѣдомилъ министерство фин., что спорный вопросъ разрѣшенъ Пр. Сенатомъ въ опредѣленіи отъ 14 февраля 1894 г. за № 1582 по дѣлу Папа-Афанасопуло въ смыслѣ, вполнѣ согласномъ съ мнѣніемъ мин. вв. д., почему оно и сдѣлало Тверск. губернатору соответствующія ему указы разъясненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мин. вв. д. указано на отличіе отсрочки взысканія, которая можетъ быть сдѣлана до внесенія недоимки въ смѣту земскихъ доходовъ, путемъ признанія ея временно неблагонадежною, отъ разсрочки таковой, какъ уже внесенной въ смѣту, вслѣдствіе чего оно и затруднилось согласиться съ соображеніями мин. финансовъ, полагая, что допущеніе разсрочекъ могло бы внести въ смѣту нежелательную неопредѣленность и отразиться неблагопріятно на земскомъ хозяйствѣ. Находя, что сообщенное мин. в. д. Тв. губернатору разъясненіе, какъ основанное на сепаратномъ указѣ Пр. Сената и несогласное ни съ основаніями заключеній министерства финансовъ, ни съ прежней практикой Пр. Сената, не можетъ быть признано окончательнымъ, министръ фин., рапортомъ отъ 10 мая 1895 г. за № 1536, представляетъ Пр. Сенату о необходимости общаго окончательнаго разъясненія спорнаго вопроса и, по поводу изложенныхъ соображеній мин. в. д., полагаетъ, что право давать льготы по обложенію въ видѣ отсрочки платежа не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ неблагонадежности взысканія, которое имѣетъ значеніе лишь для смѣтныхъ исчисленій.

Пр. Сенатъ нашель, что вопросъ этотъ восходилъ уже на разсмотрѣніе Пр. Сената, причемъ въ рѣшеніи 12 мая 1883 г. за № 2517 (по 1-му департаменту) признано, что хотя по уставу о земскихъ повинностяхъ земскіе сборы вносятся въ тѣ же ероки, какіе установлены для взноса податей, но правило сіе, имѣющее цѣлью обезпечить земскимъ кассамъ вѣрнѣйшее поступленіе суммъ, не можетъ быть разсматриваемо какъ непреложное требованіе закона и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда взысканіе земскихъ сборовъ въ установленные сроки повлекло бы за собою значительное разстройство въ хозяйствѣ плательщиковъ, а слѣдовательно и вообще уменьшеніе платежныхъ силъ мѣстности (каковы случаи неурожая, градобитія, пожаровъ, падежей скота и т. п.), въ каковыхъ случаяхъ земскія учрежденія, коимъ по закону предоставлены: назначеніе, раскладка, взиманіе и расходваніе земскихъ сборовъ, не лишены права отстрочивать взносы оныхъ. Приведенное разъясненіе Пр. Сената, хотя оно послѣдовало при дѣйствіи полож. о земск. учр. 20 ноября 1864 г., въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою силу и въ настоящее время, такъ какъ въ пол. о земск. учр. 11 іюня 1890 г. не содержится какихъ-либо законоположеній, изъ коихъ можно было бы усмотрѣть, что законодателемъ названное право нынѣ за земскими учрежденіями не признается, а дѣйствующія нынѣ, какъ и до изданія положенія 1890 г., временныя превила по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ под-

тверждаютъ заключеніе о правѣ земскихъ учреждений разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ. Въ силу означенныхъ узаконеній назначеніе, раскладка, взиманіе и расходваніе земскихъ сборовъ остались, какъ и прежде, въ вѣдѣніи земскихъ учреждений. Статья 10 врем. прав. о зем. повин. предоставляетъ усмотрѣнію сихъ учреждений допускать изыятія изъ обложенія земскими сборами по особу уважительнымъ причинамъ, а по ст. 62 пол. зем. учр. изд. 1892 г. къ предметамъ вѣдѣнія губернскихъ собраній отнесено (п. 6) сложеніе безнадежныхъ къ поступленію недоимокъ и пений по земскимъ сборамъ. Разсматривая приведенныя законоположенія въ ихъ взаимной связи, нельзя не признать, что земскія учрежденія, имѣющія право обложенія земскими сборами и сложенія недоимокъ по этимъ сборамъ, не могутъ быть лишены и менѣе обширнаго права дарованія временныхъ податныхъ льготъ въ видѣ разсрочки земскаго сбора. Косвенное подтвержденіе сего права усматривается и въ 1 примѣчаніи къ ст. 93 уст. зем. пов. по прод. 1890 г. Въ названной статьѣ значится, что при взысканіи недоимокъ земскаго сбора разсрочекъ не допускается, а въ примѣчаніи къ ней выражено, что министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется по особу уважительнымъ причинамъ разсрочивать недоимки земскихъ сборовъ въ размѣрѣ 3,000 р. на срокъ не свыше пяти лѣтъ, съ примѣненіемъ сего порядка въ тѣхъ лишь губерніяхъ, въ коихъ не открыты земскія учрежденія. Нельзя не замѣтить, что правило, выраженное въ 93 ст. уст. зем. пов. (св. зак. т. IV изд. 1890 г. и прод. 1891 и 1893 гг.), означенныя учрежденія примѣняютъ лишь тѣ постановленія устава о земскихъ повинностяхъ, на которыя сдѣлана ссылка во временныхъ правилахъ (сер. ст. 10, 21, 2 прим. къ 23, 36 врем. прав.), статья же 93 къ числу таковыхъ не относится. Засимъ, если въ губерніяхъ, въ которыхъ по общему правилу не допускается разсрочка земскихъ сборовъ, дозволяется отступленіе отъ этого правила въ особу уважительныхъ случаяхъ, то не усматривается никакихъ основаній предполагать, чтобы законодатель ставилъ въ менѣе благопріятное положеніе плательщиковъ земскихъ сборовъ въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя не распространяется общее воспрещеніе разсрочки земскихъ сборовъ. Отсутствіе въ законѣ указаній на правительственные органы, коимъ предоставлено допущеніе подобныхъ разсрочекъ въ губерніяхъ земскихъ, приводитъ лишь къ заключенію, что законодатель признаетъ такое право за земскими учрежденіями, снабженными вообще широкими полномочіями по завѣдыванію земскими сборами и имѣющими, между прочимъ, право сложенія недоимокъ, безнадежныхъ къ поступленію. Что же касается правилъ ст. 5 прав. о составленіи земскихъ смѣтъ (прил. къ ст. 6 пол. зем. учр. 1890 г.), по коему непополненныя до составленія новой смѣты недоимки по земскимъ сборамъ, признаваемыя благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ году, должны быть обращаемы на покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ, то правило это нисколько не мо-

жетъ лишать земскія учрежденія права разсрочивать уплату признанныхъ благонадежными и вписанныхъ въ смѣту недоимокъ, такъ какъ всѣ суммы, вносимыя въ раскладку, не могутъ быть на практикѣ исчислены съ полною точностью: дѣйствительное поступленіе различныхъ сборовъ можетъ быть болѣе или меньше противъ предположенія, причѣмъ это явленіе замѣчается какъ по отношенію къ поземельнымъ сборамъ, такъ и по отношенію къ недоимкамъ сихъ сборовъ за прѣжніе годы и, слѣдовательно, допущеніе отсрочекъ или разсрочекъ въ уплатѣ земскихъ сборовъ вовсе не можетъ затруднить выполненіе смѣтныхъ предположеній. По изложеннымъ соображеніямъ и имѣя въ виду: 1) что выраженное въ опредѣленіи Сената по дѣлу Папа-Афанасопуло 14 марта 1894 г. требованіе, чтобы разсрочки земскихъ сборовъ не допускались земскими учрежденіями по соображеніямъ личныхъ удобствъ частныхъ лицъ, насколько таковыя не соотвѣтствуютъ общимъ пользамъ мѣстнаго населенія, представляется прямымъ выводомъ изъ смысла 1 ст. пол. зем. учр. и необходимымъ, во избѣжаніе злоупотребленій, дополненіемъ признаннаго Правительствующимъ Сенатомъ въ 1883 г. права упомянутыхъ учрежденій на разсрочку земскихъ сборовъ; 2) что существенною гарантіею противъ возможныхъ злоупотребленій правомъ разсрочки недоимокъ земскихъ сборовъ является, наряду съ симъ, и принадлежащее губернаторамъ, согласно 87 ст. пол. зем. учр., право останавливать исполненіе постановленій земскихъ собраний не только по незаконности ихъ, но и въ томъ, между прочимъ, случаѣ, когда постановленія эти явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія, причѣмъ въ семь послѣднемъ случаѣ опротестованное постановленіе земства восходитъ, согласно 93 ст. и 94 ст. пол., на обсужденіе высшихъ центральныхъ установленій—министерства внутреннихъ дѣлъ, комитета министровъ и Государственнаго Совѣта, первое общее собраніе Сената находить, что право на разсрочку недоимокъ земскихъ сборовъ должно быть и въ настоящее время, какъ и при дѣйствіи пол. зем. учр. 1864 г., признано за земскими собраниями, причѣмъ за ними же должно быть признано и право опредѣленія способовъ и порядка этихъ разсрочекъ и преподаніе соотвѣтствующихъ о семъ указаній земскимъ управамъ.

Вопросъ о правѣ отсрочки и разсрочки земскихъ сборовъ земскими собраниями или ихъ исполнительными органами прямо закономъ не разрѣшенъ; ни полож. о зем. учр., ни врем. прав. по дѣлу о зем. пов. вовсе не упоминаютъ о разсрочкѣ земскихъ сборовъ. Что касается сенатской практики, то въ ней по разсматриваемому вопросу мы встрѣчаемся съ явными противорѣчіями, обнаруживающими отсутствіе установившагося взгляда. Такъ, указъ Прав. Сената 22 мая 1894 г. № 7452, опубликованный въ циркулярѣ м. в. д. 13 іюня 1884 г. № 4418, разъясняетъ, что земскія учрежденія, несмотря на молчаніе закона, не лишены права отсрочивать взносы земскихъ сборовъ; наоборотъ, по указу Пр. Сен. отъ 14 февраля 1895 г. за № 1582 (п. м. в. д. 10 марта 1895 г.) предоставленіе земскимъ собраниямъ права отсрочки и разсрочки земскихъ сборовъ, въ виду молчанія закона, было-бы расширеніемъ предѣловъ дѣятельности земства, точно въ законѣ указанныхъ.

Въ виду такого противорѣчія практики, вышеприведенный указъ I общ. собр., обстоятельно мотивированный, представляется весьма важнымъ и интереснымъ.

Означенное рѣшеніе можетъ служить типичнымъ примѣромъ правотворческой дѣятельности суда, отправляющейся, однако, отъ смысла и духа дѣйствующаго права, и потому насколько не нарушающей принципа законности судебныхъ рѣшеній. Вопросъ о компетенціи земскихъ и городскихъ учреждений является однимъ изъ наиболѣе спорныхъ вопросовъ положительнаго права и, какъ таковой, вызываетъ на практикѣ много затрудненій и сомнѣній. Пол. о зем. учр., равно какъ город. пол., не даютъ исчерпывающаго перечисленія функций общественныхъ установленій. Обстоятельство это отнюдь не способствуетъ, какъ можно было бы думать, болѣе самостоятельности самоуправленія; наоборотъ, оно приводитъ къ тому, что, въ дѣйствительности, компетенція общественныхъ установленій опредѣляется не столько объективными, — твердыми и опредѣленными нормами закона, сколько субъективными умотрѣніемъ („политическими соображеніями“) органовъ администраціи. Сплошь и рядомъ губернаторы утверждаютъ или признаютъ незаконными постановленія собраний и думъ, состоявшіяся по вопросамъ, специально не предусмотрѣннымъ положеніями, въ зависимости отъ того, считаютъ ли они эти постановленія политичными, или нѣтъ. И точно также высшій органъ административной юстиціи, I деп. Прав. Сената, при разсмотрѣніи вопроса о предѣлахъ компетенціи общественныхъ установленій, руководствуется нерѣдко, главнымъ образомъ, политическими соображеніями о цѣлесообразности даннаго рѣшенія, справедливости и удобствѣ его, и т. д. и т. д.

Въ однихъ случаяхъ, все, что не запрещено, онъ считаетъ дозволеннымъ¹⁾; наоборотъ, въ другихъ, все, что не дозволено, онъ считаетъ запрещеннымъ.

Становясь то на ту, то на другую точку зрѣнія Сенатъ нерѣдко по поводу однихъ и тѣхъ же или аналогичныхъ вопросовъ приходитъ къ диаметрально-противоположнымъ рѣшеніямъ. Характернымъ примѣромъ подобныхъ самопротиворѣчій могутъ служить вышеприведенныя рѣшенія по вопросу о разсрочкѣ земскихъ платежей²⁾.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить компетенцію общественныхъ установленій, необходимо, прежде всего, принять во вниманіе, что, по самой своей природѣ, эта компетенція *должна* быть *ограниченной и опредѣленной*. Съ точки зрѣнія государственной теории самоуправленія, на которой стоитъ и дѣйствующее наше право, компетенція общины *делегиро-*

¹⁾ Такъ, по мнѣнію Сената, земства имѣютъ право назначать пенсіи, пособія и т. пол. состоящимъ на земской службѣ лицамъ, несмотря на отсутствіе въ законѣ яснаго указанія на это право; ибо молчаніе закона не можетъ быть считаемо доказательствомъ того, что законъ возбраняетъ такое право (ук. Пр. Сен. 20 сент. 1879 г. № 36184). Точно также городскія управленія вправе имѣть своихъ врачей по вольному найму, безъ правъ госуд. службы (городскихъ въ отличіе отъ городовыхъ); ибо *нѣтъ закона, запрещающаго имъ приглашеніе такихъ врачей*. (Рѣш. Сен. 22 сент. 1882 г. № 7630).

²⁾ Сравн. также явныя противорѣчія въ рѣшеніяхъ Сената по вопросу о правѣ земскихъ установленій ходатайствовать объ увольненіи или перемѣщеніи духовныхъ лицъ (*pro* сообщ. м. в. д. 28 сент. 1879 г. № 7354, по хоз. деп.; *contra* Пр. В. 1878 г. № 239); далѣе, по вопросу о заявленіи официальнымъ путемъ благодарности должностнымъ лицамъ коронной службы (*pro* рѣш. Сен. 28 іюля 1876 г. № 550; *contra* рѣш. Сен. 14 февр. 1873 г. № 1514, также ук. Пр. Сен. 1884 № 10704) и мн. др.

вана ей государством; именно потому она не может быть безграничной. Какъ справедливо училъ еще Градовскій (начала I стр. 71), самое понятие делегации предполагаетъ определенность и ограниченность тѣхъ правъ, которыя предоставлены общественнымъ установлениямъ. Законодательная власть государства, по своей природѣ, неограниченна: всякій предметъ общественного интереса можетъ быть объектомъ ея законодательныхъ нормъ. Напротивъ, власть самоуправления, делегированная государствомъ, по самому своему существу должна вращаться въ опредѣленныхъ границахъ.

Однако опредѣленность компетенции отноду не предполагаетъ и не требуетъ *исчерпывающаго перечня функций*. Правительственная дѣятельность, вообще, — а значитъ, и дѣятельность самоуправления — въ своемъ безконечномъ разнообразіи, не можетъ быть подведена подъ опредѣленные рубрики, не можетъ быть исчерпана безъ остатка.

Дѣйствующее право слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ компетенцію общественныхъ установлений. Во первыхъ, оно устанавливаетъ опредѣленные *категории*, или *роды мѣстныхъ дѣлъ*, подлежащихъ вѣдѣнію общественныхъ установлений; во вторыхъ, въ отношеніи къ каждой такой категоріи оно опредѣляетъ точные *предѣлы власти*, предоставленной самоуправленію государствомъ.

Для того, чтобы тотъ или иной частный вопросъ *мѣстнаго управления* можно было отнести къ компетенции города или земства, отноду не требуется, чтобы именно о немъ упомянуто было въ положеніяхъ; необходимо только, чтобы онъ подходилъ подъ одну изъ установленныхъ положеніемъ категорій, а также, чтобы для его разрѣшенія была достаточна предоставленная органамъ самоуправления власть. Такъ, напримѣръ, согласно п. 11 ст. 2, пол. о зем. учр. къ компетенции земства относится воссозданіе мѣстному земледѣлію, торговлѣ и промышленности; на этомъ основаніи Сенатъ правильно рѣшилъ, что земство имѣетъ право провести телеграфъ, способствующій успѣхамъ торговли (рѣш. Сен. 22 ноября 1872 г. № 8910), равно какъ учредить агентуру для непосредственнаго сношенія уѣздныхъ землевладѣльцевъ съ заграничными торговыми фирмами по продажѣ имъ хлѣбныхъ продуктовъ (указъ Пр. Сената 13 декабря 1878 г. № 45071). Наоборотъ, хотя, согласно п. 10 ст. 2 того же положенія, на земство возложено попеченіе о развитіи средствъ народнаго образованія, къ компетенции земства не относится опредѣленіе и увольненіе преподавателей, составленіе учебныхъ плановъ и т. п.; ибо въ области училищнаго дѣла земству предоставлена исключительно хозяйственная власть, собственно же педагогическая часть въ кругъ его вѣдѣнія не входитъ (ук. Прав. Сен. 27 июля 1889 г. № 4385).

Согласно п. 1 ст. 2, пол. о зем. учр., къ предметамъ вѣдомства земскихъ учреждений, между прочимъ, принадлежитъ завѣдываніе мѣстными губернскими и уѣздными земскими повинностями, денежными и натуральными. Подъ „завѣдываніемъ“ положеніе понимаетъ назначеніе, раскладку, взиманіе и расходование земскихъ сборовъ (пш. 3 и 4 ст. 62; ст. 97 пол. о зем. учр.; ст. 24 врем. прав. для зем. учр. по дѣл. о зем. пов.). Само собою разумѣется, что разсрочка недоимки земскихъ сборовъ, какъ одинъ изъ способовъ ихъ взиманія, вполнѣ подходитъ подъ категорію завѣдыванія мѣстными сборами. Что касается предѣловъ власти самоуправления въ отношеніи къ завѣдыванію мѣстными повинностями, то необходимо замѣтить, что этой власти положеніемъ предоставленъ большой просторъ, что она включена въ весьма и весьма широкія границы. Такъ, прежде всего, согласно ст. 10 врем. прав., земскимъ учреждениямъ, въ случаѣ необходимости, предоставляется право вовсе освободить отъ земскаго обложенія имущества, не изъятыя отъ него по закону. Въ отношеніи къ имуществамъ, обложеннымъ сборами, земству предоставлены весьма широкія пол-

номочія, начиная съ неукоснительнаго взысканія недоимокъ и кончая совершеннымъ сложеніемъ ихъ. Такъ согласно ст. 24 врем. прав., при неуспѣшномъ взысканіи недоимокъ въ земскихъ сборахъ, земскія учрежденія обращаются къ подлежащимъ уѣзднымъ полиціямъ и губернатору о принятіи установленныхъ закономъ мѣръ къ возмѣщенію недоимокъ. Съ другой стороны, п. 6 ст. 62 пол. о зем. учр. предоставляетъ земскимъ собраниямъ право слагать со счетовъ недоимки, признанныя безнадежными къ поступленію. (См. также прим. 1 къ ст. 29, времен. прав. о зем. повин.). Право отсрочки и разсрочки недоимокъ, очевидно, находится между неукоснительными ихъ взысканіемъ и полнымъ освобожденіемъ отъ нихъ; во всякомъ случаѣ, оно не выходитъ за предѣлы той власти, которая предоставлена закономъ земству въ дѣлѣ завѣдыванія земскими повинностями.

Выводъ изъ сказаннаго ясенъ: отсрочка и разсрочка недоимокъ входитъ въ компетенцію земства.

Не противорѣчитъ ли, однако, такая разсрочка другимъ постановленіямъ нашего законодательства? На одно изъ такихъ противорѣчій указываетъ министерство вн. дѣлъ, полагая, что допущеніе разсрочекъ могло бы внести въ смѣту нежелательную неопредѣленность и оразиться неблагоприятно на земскомъ хозяйствѣ; по всей вѣроятности, при этомъ министерство имѣло въ виду ст. 5 прав. о составленіи земскихъ смѣтъ (прил. къ ст. 6 пол. о зем. учр.), согласно которой недоимки по земскимъ сборамъ, признаваемые благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ году, должны быть обращаемы на покрытие исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ. Однако, какъ справедливо указывается Сенатомъ, правило это ни въ какомъ случаѣ не можетъ лишить земскія учрежденія права разсрочивать уплату признанныхъ благонадежными и вписанныхъ въ смѣту недоимокъ. Само собою разумѣется, что при исчисленіи благонадежной къ поступленію недоимки земство не сообразуется и не можетъ сообразоваться съ платежными средствами отдѣльныхъ плательщиковъ; поэтому оно совершенно не предусматриваетъ, кто именно изъ недоимщиковъ будетъ участвовать въ образованіи той суммы, которая исчислена къ поступленію. Подобно другимъ учреждениямъ, земства, при исчисленіи этой суммы, пользуются средними числами, имѣющими, между прочимъ, то существенное свойство, что въ нихъ индивидуальныя случайности взаимно компенсируютъ другъ друга и такимъ образомъ остаются безъ серьезнаго вліянія на сдѣланные расчеты. Поэтому разсрочка, данная тому или другому отдѣльному плательщику въ силу особыхъ условий, въ которыя онъ поставленъ, вовсе не должна вліять на предположенное поступленіе недоимокъ; напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсрочка недоимокъ можетъ только увеличить количество поступленій противъ смѣтныхъ предположеній; ибо, не имѣя права разсрочить недоимку, земство оказалось бы вынужденнымъ вовсе отказаться отъ ея взысканія въ тѣхъ случаяхъ, когда оно угрожаетъ плательщику разореніемъ.

Наконецъ, 1 прим. къ ст. 93 уст. зем. пов., предоставляющее центральнымъ учреждениямъ право разсрочки земскихъ сборовъ въ неземскихъ губерніяхъ, неоспоримо доказываетъ, что законодатель вполнѣ признаетъ необходимость такой разсрочки въ извѣстныхъ случаяхъ. Между тѣмъ въ земскихъ губерніяхъ администрація, какъ извѣстно, вполнѣ устранена отъ завѣдыванія мѣстными сборами; а такъ какъ нѣтъ никакого основанія думать, что законодатель имѣлъ въ виду поставитъ жителей губерній неземскихъ въ болѣе благопріятное положеніе, нежели жителей земскихъ губерній, то необходимо прийти къ тому заключенію, что въ послѣднихъ право разсрочки земскихъ сборовъ предоставлено земству.

Черниговское губернское присутствие.

Возстановленіе нарушеннаго владѣнія.

М. предъявилъ у земскаго начальника искъ къ К. о возстановленіи его, нарушеннаго отвѣтчицей, владѣнія канавой на протяженіи 20 аршинъ. Земскій начальникъ постановилъ рѣшеніе о возстановленіи владѣнія истца канавой на протяженіи 35 арш. Это рѣшеніе, обжалованное отвѣтчицей, утверждено было Черниговскимъ мир. съѣздомъ. Губернское присутствие отмѣнило рѣшеніе, въ виду присужденія истцу больше, чѣмъ онъ просилъ, и передало дѣло въ Нѣжинскій уѣздн. съѣздъ, который отмѣнилъ рѣшеніе земскаго начальника и въ искѣ отказалъ. Рѣшеніе Нѣжинскаго съѣзда кассировано губернскимъ присутствіемъ „по нарушенію 200 ст. (?) пр. 29 декабря 1889 г.“, и дѣло передано для новаго рассмотрѣнія въ Козелецкій уѣздный съѣздъ.

Козелецкій уѣздный съѣздъ, рассмотрѣвъ апелляціонную жалобу отвѣтчицы въ связи съ обжалованнымъ рѣшеніемъ земскаго начальника и выслушавъ объясненія повѣреннаго апелляторши, нашель: М., утверждая, что въ первыхъ числахъ октябрю 1896 г. К. вгородила въ свою усадьбу (смежную съ усадьбой истца) канаву съ расгущими на ней вербами на протяженіи около 20 арш. въ селѣ Гр., предъявилъ у земскаго начальника 3 уч. Черниг. уѣзда искъ къ К., прося возстановить нарушенное владѣніе. Земскій начальникъ удовлетворилъ этотъ искъ, основываясь на показаніи свидѣтеля П. П., удостоверившаго, что отвѣтчица вгородила въ свою усадьбу часть огорода истца въ длину на 35 арш. Въ апелляціонной жалобѣ и въ дополнительныхъ къ ней прошеніяхъ отвѣтчица, ходатайствуя объ отмѣнѣ рѣшенія земскаго начальника, утверждаетъ, что огораживая всю свою усадьбу и дойдя до стараго, испорченнаго плетня истца, она, *испросивъ предварительно разрѣшенія истца, поставила новый плетень на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ старый.* Кроме того, въ той же жалобѣ К. замѣчаетъ, что ровъ, о которомъ идетъ рѣчь, въ сущности принадлежитъ ей, но замѣчанію этому апелляторша, очевидно, не придаетъ рѣшающаго значенія, такъ какъ ни въ дополнительныхъ прошеніяхъ, ни въ личныхъ объясненіяхъ своихъ, данныхъ въ первой инстанціи и въ засѣданіи Черниговскаго уѣзднаго съѣзда, она совсѣмъ не упоминаетъ о правахъ своихъ на канаву, а въ настоящемъ засѣданіи повѣренный отвѣтчицы прямо заявилъ, что въ данномъ случаѣ о правѣ К. на канаву не можетъ быть и рѣчи.—Принимая на видъ: 1) что *факты, положенные въ основаніе апелляціонной жалобы, вполне подтвердились показаніями допрошенныхъ подъ присягой свидѣтелей И. П., Ф. М., Е. Ш. и Ф. Ш.*; 2) что свидѣтельское показаніе, на которомъ основанъ искъ и рѣшеніе земскаго начальника, съ одной стороны, не опровергаетъ показаній только-что названныхъ свидѣтелей, а съ другой—не отличается такою точностью и опредѣленностью, какъ эти показанія („М. сказалъ, что *можно* принять старые и городить новые, я городилъ новый плетень на мѣстѣ стараго), не согласуется съ заявленіемъ самого истца (вмѣсто указанныхъ истцомъ 20 арш. свидѣтель говоритъ о прихватѣ 35 арш.); 3) что въ возраженіи на апелляціонную жалобу (возраженіе это, между прочимъ, заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ совершенно неумѣст-

ныхъ въ официальныхъ бумагахъ выраженій по адресу отвѣтчицы) М., не оспаривая основныхъ положеній апелляторши, опровергаетъ лишь вторую несущественную часть жалобы, уѣздный съѣздъ находитъ, что въ настоящемъ дѣлѣ не можетъ быть и рѣчи о нарушеніи владѣнія истца, такъ какъ отвѣтчица не заявляетъ никакихъ правъ своихъ на ту часть земли, которая описана въ исковомъ прошеніи; *фактъ же постановки новыхъ плетней на мѣстѣ старыхъ* (и при томъ съ разрѣшенія истца) *самъ по себѣ не даетъ основанія для возмнновенія спора*, подлежащаго судебному разрѣшенію. Признавая, въ виду изложеннаго, искъ М. по существу неправильнымъ и не подлежащимъ удовлетворенію и руководствуясь рѣш. Прав. Сен. за 1876 г. № 427, 1877 г. № 1 и 2, 1878 г. № 237, 1879 г. № 226 и др., съѣздъ опредѣляетъ: рѣшеніе земскаго начальника отмѣнить и въ искѣ М. отказатъ, взыскавъ съ него въ пользу К. пять рублей и судебныхъ и за веденіе дѣла издержки за обѣ инстанціи.

Черниговское губернское присутствіе въ судебномъ засѣданіи, выслушавъ дѣло по иску къ К. М. о возстановленіи нарушеннаго владѣнія землею, находитъ, что уѣздный съѣздъ не вошелъ въ рассмотрѣніе того обстоятельства, что отвѣтчица сама не отрицаетъ того, что могла поставить плетень только съ разрѣшенія истца, о каковомъ разрѣшеніи никакихъ доказательствъ не представила, что рѣшеніе Черниговскаго уѣзднаго съѣзда было отмѣнено по нарушеніи съѣздомъ ст. 88 пр. 29 декабря 1889 года, а потому, усматривая нарушеніе ст. 120 пр. 29 декабря 1889 г., опредѣляетъ: рѣшеніе уѣзднаго съѣзда отмѣнить и дѣло передать для новаго рассмотрѣнія въ Остерскій уѣздный съѣздъ.

Ст. 120 пр. объ устр. суд. части, на основаніи которой губернское присутствіе кассировало рѣшеніе, гласитъ буквально слѣдующее: „Уѣздный съѣздъ входитъ въ рассмотрѣніе всѣхъ имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, въ предѣлахъ, необходимыхъ для разрѣшенія принесенной жалобы“. Губ. присутствіе находитъ, что съѣздъ не вошелъ въ рассмотрѣніе признанія отвѣтчицы, что она могла поставить плетень только съ разрѣшенія истца, а доказательствъ такого разрѣшенія не представила. Между тѣмъ это обстоятельство настолько ясно и категорически отмѣчено въ набранныхъ курсивомъ фразахъ приведеннаго рѣшенія, что съ трудомъ вѣрится, чтобы замѣчаніе губ. присутствія онослось именно къ этому рѣшенію. Но мало того: отмѣтивъ обстоятельство постановки плетня, съѣздъ далѣе находитъ, что оно не даетъ никакого повода къ спору о нарушенномъ владѣніи. И несмотря на то, что въ такомъ же смыслѣ высказался уже въ кассированномъ рѣшеніи и Нѣжинскій съѣздъ, губернское присутствіе, въ третій разъ отмѣняя рѣшеніе по рассматриваемому дѣлу, ни однимъ словомъ не высказывается по этому поводу, не даетъ четвертому съѣзду никакихъ указаній для разрѣшенія вопроса. При такихъ условіяхъ трудно предугадать, когда окончится споръ, длящийся уже болѣе 2 лѣтъ, и окончится-ли онъ вообще когда-нибудь, хотя съ юридической точки зрѣнія правильность рѣшенія Козелецкаго съѣзда едва-ли можетъ вызывать какія-либо сомнѣнія. Установивъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, что новый плетень поставленъ на мѣстѣ стараго и что отвѣтчица, слѣд., не захватила въ свое владѣніе канавы истца, съѣздъ логически послѣдовательно заключилъ, что здѣсь нѣтъ мѣста иску о возстановленіи нарушеннаго владѣнія.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦИИ.

(Подписчику № 1601).

Можетъ-ли быть совмѣстима должность городского участковаго судьи съ должностію церковнаго старосты?

Согласно ст. 9 прав. устр. суд. части, городскіе судьи подчиняются дѣйствию ст. 246 учр. суд. уст., на основаніи которой никто изъ должностныхъ лицъ судебного вѣдомства не вправѣ занимать другой должности какъ по судебному, такъ и по другимъ вѣдомствамъ, или въ службѣ общественной.

Такимъ образомъ вопросъ сводится къ тому, можно-ли считать, что церковный староста занимаетъ должность въ государственной или общественной службѣ.

Въ пользу того, что исполненіе обязанностей церковнаго старосты есть занятіе общественной должности, духовное вѣдомство обыкновенно приводитъ слѣдующія соображенія: 1) ст. 604 п. 25 и 661 п. 2 зак. сост. говорятъ объ исправленіи „должности“ церк. старосты; 2) церковные старосты имѣютъ въ извѣстныхъ случаяхъ право на ношеніе мундира IX и X кл. (Выс. утв. 12 іюня 1890 г. инструкція церк. старостамъ, § 55); 3) служба церковнаго старосты считается наравнѣ съ службою лицъ, занимающихъ должности по выборамъ (указъ Св. Синода 20 августа 1868 г. № 334); 4) за преступленіе должности церковные старосты судятся наравнѣ съ прочими должностными лицами (указъ Св. Синода 20 февр. 1865 г. № 314); 5) церк. старосты къ безприходскимъ церквамъ избираются городскими думами (инстр. церк. стар. § 18 и прим.); 6) церк. старосты утверждаются въ должности епархіальнымъ начальствомъ (инстр. § 18); 7) избранный въ церковные старосты во многихъ случаяхъ освобождается отъ обязанности служить по городскимъ выборамъ (п. собр. зак. 4 янв. 1836 г. № 8750; указъ Св. Синода 15 іюня 1872 г. № 32; зак. сост. ст. 604 п. 25 и др.).

При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи этихъ соображеній необходимо признать, что они не доказываютъ того, чтобы церковный староста занималъ „должность“ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется въ судебныхъ уставахъ.

1) Въ нашемъ законодательствѣ выраженія званіе и должность весьма часто употребляются совершенно безразлично (должность почетнаго смотрителя уѣзднаго училища въ ст. 155 п. 9 уст. сл. гражд. или званіе поч. смотр. въ ст. 3318 уст. уч. зав. св. зак. т. XI ч. 1). Поэтому для разрѣшенія вопроса, имѣемъ-ли мы въ томъ или другомъ случаѣ дѣло съ должностнымъ лицомъ или нѣтъ, необходимо всякій разъ, независимо отъ того или иного толкованія его въ законѣ, обращаться къ разсмотрѣнію существа всего его служебнаго положенія. 2) Тотъ фактъ, что церковнымъ старостамъ присвоенъ мундиръ того или другого класса, самъ по себѣ ничего не доказываетъ, такъ какъ право на мундиръ можетъ быть и у лица, не занимающаго должности и вообще на „службѣ“ не состоящаго. Согласно ст. 13 Выс. утв. 15 апр. 1896 г. пол. о коммерч. учебн. завед., почетные попечители и блюстители этихъ заведеній, если не имѣютъ права вступленія въ государственную службу, имѣютъ мундиръ, но безъ служебныхъ правъ. 3) Указъ Св. Синода, согласно которому церковные старосты приравнены къ лицамъ, занимающимъ должности по выборамъ, состоялся въ 1868 г., т. е. до изданія дѣйствующей Выс. утв. инструкціи церк.

старостамъ 1890 г., отмѣнившей прежде дѣйствовавшіе по сему вопросу законы, а слѣдовательно и сохранившіе по поводу ихъ разъясненія Св. Синода. 4) Высказанное Св. Синодомъ мнѣніе, что за преступленія по службѣ церковные старосты должны судиться наравнѣ съ прочими должностными лицами, было разсмотрѣно общимъ собраніемъ касс. деп. Пр. Сената (1880 г. № 26), которое нашло, что церковные старосты за преступленія по своей службѣ подлежатъ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ судопроизводства, какъ частныя лица. 5) Избраніе церковныхъ старостъ къ безприходскимъ церквамъ городскими думами является такого рода изъятіемъ изъ общаго порядка избранія старостъ, что дѣлать изъ этого какіе бы то ни было выводы о существѣ этой службы невозможно. 6) Тотъ фактъ, что церк. старосты утверждаются епархіальнымъ начальствомъ, тоже ничего не говоритъ: директоры тюремныхъ комитетовъ утверждаютъ въ должности Высочайшею властью, а правъ государственной службы не имѣютъ (ст. 45 уст. о суд. подл. стр.). 7) Наконецъ то, что церковные старосты освобождаются отъ службы по городскимъ выборамъ, тоже ничего не доказываетъ: отъ службы по выборамъ освобождены и шкипера, если они экзаменованы и одобрены, суконные фабриканты, если поставляютъ сукна въ казну, и т. п. (зак. сост. ст. 604 п. 1 и 29).

Разбираемый вопросъ долженъ быть разрѣшенъ на основаніи слѣдующихъ соображеній, приведенныхъ въ рѣшеніи общ. собранія касс. деп. Пр. Сената 1880 г. № 26. По словамъ Сената, подл. лицами, занимающими должности по общественной службѣ, надлежитъ разумѣть „выборныхъ должностныхъ лицъ, которые избираются на должности или сословіями, или городскими и сельскими обществами, или, наконецъ, земскими собраніями, т. е. такими административными единицами, которыя принимаютъ участіе или въ государственномъ управленіи, или въ управленіи обществъ и сословій; участіе же прихода въ томъ или другомъ управленіи законами не установлено, и совокупность лицъ, входящихъ въ составъ прихода, не можетъ быть поэтому приравнена ни къ земскимъ собраніямъ, ни еще менѣе, конечно, къ собраніямъ какого либо сословія“. Затѣмъ Сенатъ говоритъ: „обязанности церковнаго старосты ограничиваются единственно завѣдываніемъ имуществомъ и доходами церкви, при которой онъ состоитъ. Обязанности эти ни по предметамъ, къ которымъ они относятся, ни по способамъ собиранія церковныхъ доходовъ и расходованія церковныхъ суммъ не имѣютъ ничего общаго даже съ однородными обязанностями выборныхъ отъ общества и сословія должностныхъ лицъ. Самыя порядокъ выбора на должность церк. старосты, предоставленный прихожанамъ по соглашенію съ причтомъ, не подчиненный никакимъ особымъ формальностямъ и изъятый изъ-подъ контроля правительственной власти, указываетъ на частный характеръ дѣятельности церковныхъ старостъ, какъ простыхъ уполномоченныхъ отъ прихода и причта на завѣдываніе церковнымъ хозяйствомъ“. Поэтому церковные старосты не могутъ быть признаны лицами, занимающими должность по службѣ общественной, и слѣдовательно ст. 246 уст. суд. уст. не можетъ служить препятствіемъ для совмѣщенія должностей городского судьи и церковнаго старосты,